

ВИКТОРИЯ ПЛАТОВА

Ритуал последней брачной ночи

Виктория Платова

Ритуал последней брачной ночи

«ЭКСМО»

2005

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Платова В. Е.

Ритуал последней брачной ночи / В. Е. Платова — «Эксмо»,
2005

ISBN 978-5-699-98823-5

Проснуться в одной постели с мужчиной, несомненно, восхитительно. Проснуться в одной постели с мировой знаменитостью восхитительно вдвойне. Но что делать, если в груди знаменитости торчит нож, и все указывают на то, что убийство совершила ты – в недалеком прошлом жрица любви? Лишь одно – бежать. И обратиться за помощью к верным подругам по цеху – только они верят в твою невиновность, только они готовы помочь тебе в поисках настоящего убийцы. Они, да еще частный сыщик из Эстонии, знакомство с которым приведет к самым неожиданным результатам. Антиквариат, драгоценности, секреты виноделия, МВД и ФСБ – вот тот гремучий коктейль, который будет предложен нашей героине Варваре... По мотивам романа снят популярный сериал «Нож в облаках».

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-98823-5

© Платова В. Е., 2005
© Эксмо, 2005

Содержание

Preludio Andante	6
Allegro ma non Presto	29
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Виктория Платова

Ритуал последней брачной ночи

© Платова В., 2017

© ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Все события и герои этого романа вымышлены, любое сходство с реально существующими людьми случайно.

Автор

Preludio Andante

...Твою мать.

Теперь-то я точно знаю, где была, когда престарелый боженка раздавал мозги: в соседней очереди за французскими купальниками. После купальников я затарилась зимними сапогами и дубленкой с костяными пуговицами – штучная работа, ренессанс фурнитуры, якутские резчики по моржовому клыку могут отдыхать в своих ярангах до конца времен... Потом я съела бутерброд с семгой и вернулась к боженке – за мозгами.

Но, как и следовало ожидать, мне их не хватило. Так же, как и нескольким другим страждущим с целым букетом различных диагнозов: синдром Ганзера¹, брадипсихия² и олигофрения в стадии дебильности...

Мой диагноз оказался самым тяжелым – иначе я, Варвара Сулейменова, не стояла бы сейчас здесь, в гостиничном VIP-номере, босиком, в одних бикини с кружевными цветочками, подозрительно смахивающими на увядшие гиацинты, – и... твою мать, *с окровавленным ножом в руках*.

* * *

А все начиналось совершенно безоблачно – в нашем со Стасом разухабистом стиле. Звонок по внутреннему телефону («загляни-ка ко мне на секунду, лапуля»), дефиле по коридору, несколько тоненьких папок («для прикрытия») и поворот ключа в замке. После этого Стас поцеловал меня в щеку, а не в перекрестный прицел ключиц, как обычно, из чего я сразу же сделала вывод: предстоит работа.

– Предстоит работа, – промурлыкал Стас, с трудом отводя от меня похотливый взгляд.

– Кто? – пользуясь служебным положением, я устроилась на столе, больше смахивающем на плацдарм для сексуальных Ватерлоо: Стас и теперь, по прошествии стольких лет, не забывал о своем бурном мелко-сутенерском прошлом.

– Афиши видела? – Он сразу же ухватил быка за рога, матадор хренов. – По всему Невскому треплются.

Вчера, проезжая в легком подпитии по Сансет-бульвару местного разлива, я узрела лишь один транспарант – «Ансамбль песни и пляски «Жок», Республика Молдова» – и потому сразу же приуныла.

– Ты знаешь мои принципы, Стас. Я против групповухи, – веско сказала я и, помолчав, добавила: – Тем более с молдавскими пейзажами.

– Дура, – Стас покровительственно потрепал меня по коленке, затянутой в представительские секретутские колготки с лайкрой. – Таких жертв от тебя никто не требует. Олев Киви.

Олев Киви. Звучит ничуть не лучше, чем какой-нибудь Гуннар Куусик или Йьху Рэбане...

Непередаваемое, тягуче-бессмысленно-эстонское сочетание букв.

Я поморщилась, как от зубной боли. Впрочем, так оно и было: Эстония, мой непроходящий кариес, он же герпес, сифилис и далее по списку плюс бельмо на глазу. Ничем не примечательное детство на улице Паэ, ничем не примечательная юность на улице Вэнэ. Потом был уважаемый мини-бордель в Иэсмья, удачно мимикрировавший под клуб любителей гольфа. Нужно признать, что они неплохо загоняли шары в лунки, все эти залетные торгаши

¹ Синдром Ганзера – острая истерическая реакция.

² Брадипсихия – замедление психической деятельности.

цветным ломом, истребителями и лесом из Игарки. Там мы и познакомились со Стасом, там же, недалеко от Иэсмьяе, в Таллинском зоопарке, мой младший брат Димас до сих пор выгребал дерьмо за обезьянами. В прошлом году он должен был получить повышение и перейти на уборку слоновьего дерьма, но в этом, более престижном и высокооплачиваемом месте ему отказали – по причине очередной несдачи экзамена по эстонскому языку.

Будь проклята дискриминация. Будь проклят апартеид. В Эстонской Республике даже отходы жизнедеятельности слонов падают на землю с неподражаемым акцентом...

И вот теперь, пожалуйста, Олев Киви.

Тэрэ-тэрэ, вана кэрэ!³

– Не пойдет. – Я сняла руку Стаса со своего колена. – Ты же знаешь мои принципы...

– Заткни их себе в задницу, – вяло парировал Стас. – Олев Киви – знаменитость, будет в Питере через неделю с гастрольным туром. И он мне нужен.

Из всех эстонских знаменитостей я знала только Анне Раамат, звезду любительского порно, и потому сочла за лучшее уточнить:

– Чем же он так знаменит, этот твой Киви? Долбится на ударных в группе «Роллинг стоунз»? Или у Джорджа Майкла, не дай-то господи, на подтанцовках?

– Он виолончелист. – Стас снова начал гладить мою коленку. – Представляешь себе, что такое виолончель?

– Смутно.

– Скрипка, только побольше.

– Скрипка, только побольше, – это контрабас, – резонно заметила я. – Но раз уж пошла такая пьянка и ты без этого виртуоза жить не можешь, то лучше тебе обратиться к Кайе.

Кайе, наша общая подружка из сжигаемого порочными страстями приморского городишки Пярну, вот уже почти год обиталась в Питере и к тому же в свое время закончила музыкальную школу по классу цимбал.

– Непроходной вариант, – Стас презрительно вытянул нижнюю губу. – Эта дрянь ни с того ни с сего вздумала забеременеть. И потом, ты вспомни, какая у нее рожа – голая цыганщина, только бубна не хватает.

– А я?

– А ты – в самый раз. Полет валькирий, так что не нарывайся на комплименты.

Если я и была валькирией, то явно уставшей от полета; недавно мне стукнуло двадцать шесть – из них последние семь на боевом посту у мужских гульфиков с несколькими краткосрочными отпусками: в Грецию, Турцию и в населенный пункт Пестравка Самарской губернии.

– Может быть, ты отпустишь меня на пенсию, Стасик? – безнадежным голосом спросила я.

– Конечно, отпущу, – в очередной раз клятвенно соврал он и прижался лбом к моим коленям. – И даже сделаю тебя старшим менеджером. Но сначала – Олев Киви. Олев Киви – и все. Баста. Каюк. Финита ля.

– Ну, хорошо, – я сдалась, как сдавалась всегда. – Что я должна делать?

Дурацкий вопрос. То же, что обычно делают эскорт-девицы: милая болтовня за ужином, поглаживание лодыжек под столом, легкий петтинг в машине, глубокий французский поцелуй в лифте между этажами... Следующие за этим вариации зависят от степени алкогольного опьянения и сексуальной извращенности клиента.

Стас вынул из кармана пачку баксов и небрежно швырнул ее мне.

– Для начала займешься гардеробом.

Это прозвучало как оскорбление: что-то, а тряпки у меня всегда были в порядке. Лучшее, любимое и только для вас. Хотя...

³ Здравствуй-здравствуй, старый козел! (эст.).

– Нужно что-нибудь особенное? – Я оценивающе подбросила в руке Стасово денежное вливание: его вполне хватило бы не только на роскошный пеньюар, но и на дрянное платьишко от убиенного Версаче, которое я присмотрела себе в бутике на Литейном. – Экстравагантное, пикантное, возбуждающее поникшие чресла?..

Стас ничего не ответил и принялся рыться в ящике стола.

– Ничего, что я не знаю, сколько струн на виолончели? – снова напомнила о себе я.

– Прочтешь в «Музыкальном словаре», – отрезал Стас и бросил на стол фотокарточку. – А пока взгляни на это.

Интересно, с каких это пор Стас держит в своем стойле ничем не примечательных шатенок?

А она была ничем не примечательна, эта шатенка с фотографии, – одинокая роза в руках, неухоженные волосы, небрежный «паж» а-ля Мирей Матье, брови вразлет, глаза вразлет и губы без всякой помадной узды – слишком темные для шатенки.

Да, слово «слишком» подходило ей.

Она была *слишком непритязательна*.

– Это еще что за стахановка?

– О мертвых либо хорошо, либо ничего, – снова осадил меня Стас.

– Это еще что за почившая стахановка? – дисциплинированно поправила я.

– Это жена Олева Киви. Погибла в прошлом году при сомнительных обстоятельствах. Но это дело десятое. Главное в другом – у тебя ровно неделя, чтобы стать хоть немного похожей на нее.

Я еще раз – теперь уже оценивающе – посмотрела на темные, как эстонская хуторская грязь, губы мертвой Кивихи, а потом перевела взгляд на денежки.

– Маловато будет, голубчик Стас. Надо бы тыщонку накинуть... И потом, для того, чтобы довести себя до такого скотского состояния, недели явно недостаточно.

– Насчет «накинуть»... Мы с тобой не на рынке, голубка Варенька. Так что исходи из имеющейся суммы. Фотографию оставляю тебе для более полного вхождения в образ.

– Как звали... м-м... покойную?

– Зачем это тебе? – удивился Стас.

– Ну... Ты же сам сказал – вхождение в образ. Я могу назваться ее именем и...

– Это перебор. А интеллектуалы не любят излишнего педалирования.

– Господи, ну ты-то какое отношение имеешь к интеллектуалам? – Я даже не запнулась на последнем слове, с чем себя мысленно и поздравила.

– Олев Киви! – Стас поднял палец. – У тебя ровно неделя. Готовься. В пятницу проинспектирую лично.

Я взяла под козырек, попятилась к двери и приоткрыла ее задом.

Есть о чем задуматься, но сначала – дрянное платьишко от Версаче в бутике на Литейном. Я это заслужила.

...Вернувшись в офис с итальянским трофеем под мышкой, я провела весь остаток псевдорабочего дня в тягостных размышлениях. Во-первых, на этой неделе придется отказаться от услуг массажистки Ленусика (в среду) и маникюрши Светика (в четверг), пропустить солярий, тренажерный зал и два занятия шейпингом. Во-вторых, (о, куррат!⁴) задвинуть до лучших времен скраб, гель и два экспериментальных крема от морщин. А водостойкая тушь, а новехонькие тени, а дивного оттенка английская пудра...

Куррат-куррат-куррат! Будьте прокляты, интеллектуалы от виолончели и вы, их покойные неряшливые музы!..

⁴ Куррат – черт (*эст.*).

Я перевернула фотографию, врученную мне Стасом: «Алла. Кронштадт. Мартовские тени». И дата, на которую я даже не обратила внимания.

Интересно, что такое «мартовские тени» – название respectable мини-борделя или поэтические экзерсисы виолончелиста?..

В любом случае мне удалось выудить из красноглазо-любительской Аллы еще кое-что, кроме внешней непрезентабельности: она была русской (Олев Киви, Олев Киви, куда же смотрела твоя добропорядочная эстонская семья?!) и в свободное от муженька время шастала в Кронштадт. Но почему Стас так настаивает на моем уподоблении покойной? Мне, конечно, плевать на приметы, но все же, все же...

Я выкатилась из офиса ровно в пять, оседлала свою дышащую на ладан «шестерку» и на каждом красном светофоре думала о Стасе и его экстравагантном поручении. Нет, на Стаса грешно обижаться. Ведь именно он – Стас, Стасик, Станислав Дремов – вытащил меня из погрязшего в копеечном национализме Таллина, отмыл, отскреб, придел и устроил работать по специальности. А месяц назад даже прикупил мне однокомнатную халупу в спальном районе. За выслугу лет и высокие показатели в работе.

И вот уже четыре питерских года я при мужчинах, как кухарка при котлах.

Вот только ему, главе продюсерской фирмы, которая заделывает концерты вышедшим в тираж зарубежным исполнителям в замшелом жанре рок-н-ролл, – ему-то зачем непуганый виолончелист?

Это же совсем другое направление в исполнительском искусстве...

...В понедельник я узнала, сколько струн у виолончели – их, к моему удивлению, оказалось четыре. Не густо, но по сравнению с балалайкой прогресс очевиден.

А во вторник отправилась к Наденьке, в парикмахерский салон «Олеся».

Мой внеплановый приход поразил Наденьку в самое сердце, а просьба соорудить из волос, которые я пестовала два года, куцый ретро-«паж» добила ее окончательно.

– Ты офигела, подруга, – проямлила она. – Портить такую гриву... У меня рука не поднимется.

Я призывно помахала перед носом Наденьки светло-зеленой полусотенной бумажкой и кротко сказала:

– Прости мне этот каприз.

Еще пять минут ушло на то, чтобы вспомнить раритетную стрижку. И Наденька хищно щелкнула ножницами возле моего уха.

– По-моему, он извращенец, – ленивая парадоксальность была отличительной чертой моей любимой парикмахерши.

– Кто?

– Тот хрен, который заставляет тебя расстаться с волосами.

Я вздохнула. И была полностью солидарна с ней. Вот только извращенец был не один, а целое гнездо: пиликающих на виолончели, отбрасывающих мартовские тени и сующих мне в зубы пачку долларов, – чтобы превращение из красавицы в чудовище прошло по наиболее благоприятному сценарию.

...Спустя полчаса стрижка была готова. Но к своему новому имиджу я отнеслась более чем критически – и только потому, что привыкла неукоснительно следовать всем указаниям Стаса.

– Не пойдет, – вынесла вердикт я.

– В смысле? – Наденька пошла красными пятнами: она была мастером экстра-класса и последнее в своей жизни замечание получала, должно быть, еще в школе, за прогул урока физкультуры.

– Чересчур роскошно.

– Точно – офигела, – еще больше утвердилась в своих подозрениях Наденька. – Что значит «чересчур роскошно»?

– То и значит. Эта стрижка... – Я пощелкала пальцами, подбирая выражение. – Эта стрижка должна быть более небрежной. Ну, как будто я стриглась не у тебя, а в каком-нибудь районном Доме быта. Причем бесплатно. Задача ясна?

Дружочек Наденька дулась ровно две минуты, а потом снова взялась за ножницы.

– Ты сумасшедшая, Варька, – причитала она, по наитию выхватывая целые космы из моей многострадальной головы. – А если учесть, что я никогда не работала в районном Доме быта...

Вторая попытка оказалась более удачной, и я почти приблизилась к фотографическому идеалу жены Олева Киви.

– Отвратительно, – Наденька шмыгнула носом, а я удовлетворенно улыбнулась.

– Замечательно. Теперь осталось покраситься. Я должна выйти от тебя затрапезной шатенкой с блеклыми волосами. Плачу двойную таксу, так что включай воображение...

...Салон «Олеся» я покинула по всем правилам конспирации: солнцезащитные очки в полморды и предусмотрительно захваченный платок на голове. Видел бы меня Лешик Богомол, мой последний воздыхатель и самый щедрый клиент из всех, кого навязывал мне Стас.

Просто счастье, что Лешик сейчас кукует в Крестах и в обозримом будущем вряд ли получит увольнительную на берег!

Теперь оставался только прикид: нелепое кроваво-красное платье с короткими рукавами и чересчур бросающимися в глаза выточками. Похоже, при жизни оно сильно жало покойнице в груди.

Никаких аналогов Аллочкиному фотографическому безобразию в моем гардеробе не было, секунд-хенды тоже безмолвствовали, и весь остаток недели я посвятила портникам. Это стоило мне нескольких седых волос, но к пятнице я уже имела на руках красную дерюгу.

На Стаса дерюга произвела неизгладимое впечатление. Так же, как и постылый «паж», к которому я так и не смогла привыкнуть.

– Замечательно, – он забегал по кабинету, потирая руки. – Замечательно, голубка Варенька. Я даже не предполагал... Профессионально растешь, придется со следующего квартала повысить тебе жалованье.

– Откуда ты знаешь, что я профессионально расту? – удивилась я. – По-моему, мы с тобой не спали.

– Слухами земля полнится, – осклабился Стас. – А теперь поговорим о деле.

Я раскрыла блокнот и приготовилась писать.

– Он прилетает завтра из Вены.

– Рейс?

– Никаких рейсов.

– Я не должна встречать его в аэропорту?

– Ни боже мой!

Обычный расклад летит к черту, любопытно.

– Подожди, я не поняла... Разве не ты заделываешь ему гастроли?

Стас подошел ко мне и легонько постучал пальцами по моей восхитительно невостреванной лобной кости.

– Да меня к нему и на пушечный выстрел не подпустят, соображать надо. Это же совершенно другой уровень.

– Тогда какого черта...

Вот он, нож в спину, самое неприкрытое предательство; стоило ли из-за сиюминутной прихоти патрона так себя уродовать? Я вспомнила свое утреннее отражение в зеркале прихожей и заплакала.

Стас утер мне нос рукавом.

– Не реви и слушай внимательно. Это – не обычный... эскорт. Это моя личная просьба.
– Это авантюра.

– Оставь свой резюме для кожно-венерологического диспансера. И дай мне договорить, черт возьми!.. У него будет пресс-конференция в аэропорту, потом еще одна, а вечером – сольный концерт в Большом зале филармонии. Вот билет, – Стас протянул мне билет. – Сходи, вдохновись.

Филармония, бр-р. Одно только это слово действует на меня как снотворное.

– Учти, Стас, я иногда всхрапываю, так что старухам – любительницам Чайковского-и-иже-с-ним, это может не понравиться.

Но Стасу было наплевать на мои сомнения.

– Киви остановится в гостевом особняке на Крестовском, ты должна о нем знать.

Еще бы, трехэтажная VIP-гостиница в немецком стиле.

– И я должна стоять у ее ворот с хлебом-солью? Тогда придется прикупить еще и кокошник, голубчик Стас.

– Ты должна будешь провести с ним ночь в этой гостинице.

– А он в курсе? – поинтересовалась я.

– Пока еще нет. – Положительно, Стас отличался библейским терпением и такой же библейской верой в чудо. – Но ты сделаешь все, чтобы прыгнуть к нему в постель.

С моей нынешней экипировкой шансы на койко-место в номере знаменитого виолончелиста практически равны нулю. Я попыталась донести этот тезис до воспаленного сознания Стаса, но он и слушать меня не стал.

– Вечером он ужинает в «Европе», тебе уже заказан столик. Веди себя не вызывающе, никаких призывных взглядов. И если он к тебе приклеится, лучше промолчи лишний раз. Еще сморозишь какую-нибудь глупость, я тебя знаю. Ноги без нужды не раздвигай и губ не облизывай. Веди себя с достоинством. И вообще... Старайся соответствовать.

– Чему? – спросила я, хотя и так знала ответ: дурацкой любительской фотографии из Кронштадта. – Думаешь, он клюнет?

– Все может быть, – Стас вытащил из кармана перстень с камнем и торжественно надел мне на палец.

– Это еще что?

– Это – от фирмы. За многолетний безупречный труд. Если тебя... Если тебя кто-нибудь спросит о перстне, скажешь, что подарок матери. Семейная реликвия, передается по наследству и все такое.

– Ну, ты даешь, Стас! Моя бедная мамочка за всю жизнь мне даже упаковки прокладок не презентовала.

– Неважно. Если... Если отношения у вас сложатся, послезавтра ты представишь меня ему. За обедом. Обедает он тоже в «Европе», в три часа. Я там появлюсь, и ты меня представишь. Невзначай... Встретила, мол, старого знакомого, не возражаешь, милый, если он подсядет к нашему столику? Не мне тебя учить.

– Это точно. Но, по-моему, ты темнишь. Мне не хотелось бы, чтобы мои прелести использовались вслепую.

– С каких это пор? – Стас по-хозяйски ухватил меня за грудь. – Ну-у... не изображай интенсивную умственную деятельность, дорогуша. От этого у женщин твоего типа образуются морщины.

Это правда. Гори ты синим пламенем, Стас. Ты и твои дурацкие тайны.

– А как насчет сексуальных предпочтений? – Я уже успокоилась и взяла себя в руки.

– Моих? – изумился Стас. – За столько лет не изучила?

– Да нет, твоего треклятого eesti guu⁵.

– Понятия не имею. Но не думаю, что он особенно привередлив. Разве что присовокупит смычок к атрибутам наслаждений.

Час от часу не легче! Я оставила скользкую тему и перешла к более приятному.

– Гонорар?

– Гонорар получишь тогда, когда я разопью с клиентом чашку кофе. И не волнуйся, я же никогда не подводил тебя, девочка... Начало в девятнадцать ноль-ноль. Удачи.

Я уже ухватилась за дверную ручку, когда Стас догнал меня.

– Я на тебя надеюсь, голубка Варенька. И вот еще что: сотри лак с ногтей.

* * *

Лишний билетик «на Олева Киви» спрашивали от метро, «шестерку» удалось припарковать только в трех кварталах от филармонической бойни, чертово платье сидело на мне так же ловко, как меховой тулуп на уроженце Берега Слоновой Кости, и ко всем несчастьям я сломала ноготь... Не самый лучший фон для прослушивания сюиты № 1 соль мажор для виолончели соло.

И. С. Бах.

Далее, если верить программке, должны были последовать Брамс, Шуберт и А. Рубинштейн с фантазией «Демон», но и одного Баха мне хватило бы с лихвой. Да и ряд, который мне достался, вовсе не располагал к прослушиванию такой тяжелой музыки, – чертов Стас даже не потрудился создать мне комфортабельные условия для работы. Слева мой локоть подпирала какая-то потасканная климактеричка с камеей на том месте, где обычно располагается грудь. Справа благоговейно посапывал лысый сатир. Хорошенькое соседство, ничего не скажешь.

Появление Олева Киви и банды его ассистентов было встречено вставанием.

Я тоже встала – с трудом подавляя в себе желание убраться из этого симфонического sklepa. Пока не поздно.

Но было поздно.

Олев Киви устроился на стуле, притянул к себе свой инструмент – и пытка началась. К окончанию сюиты

№ 1 я сгрызла все ногти на левой руке и перекинулась на правую. Потом – только для того, чтобы не заснуть, – начала размышлять о провокационной сущности виолончели. Эта бандура выглядела довольно эротично, равно как и поза, в которой пребывал эстонец. А на последних тактах сюиты я вдруг вспомнила скабрзную хохму, которую на плохом русском отпустила как-то Анне Раамат, звезда эстонского любительского порно: «Вопрос: Женщина, которая занимается своим делом с раздвинутыми ногами? Ответ: Виолончелистка».

Раздвинутые ноги как-то примирили меня с тусклой филармонической действительностью, но то, что произошло дальше, выглядело совсем уж нереально.

Олев Киви посмотрел на меня.

Это был не случайный взгляд, нет, скорее – заученный поворот головы. Его глаза впились в меня, как впивается заноза в пятку, смычок соскочил со струн, и бурный финал на секунду оказался скомканным. Он не спускал с меня глаз во время продолжительных аплодисментов, переходящих в овацию. И неизвестно, чего в этом полуобморочном взгляде было больше – удивления, ненависти или смертельного обожания. Я почувствовала себя голой. Голые руки, голые ноги и – самое главное – голая задница, уткнувшаяся в развороченный муравейник.

Вот это номер.

⁵ Эстонский парень (эст.).

Стервец Стас Дремов, даже если он темнит, оказался прав на сто процентов: эстонские симфо-интеллектуалы просто млеют от неухоженных волос. Или Олев Киви при кажущемся здоровье подслеповат и забыл свои контактные линзы на краешке унитаза в гостиничном номере?..

За Бахом последовали указанные в программке товарищи. Воспаленные глаза эстонца подстерегали меня за каждым поворотом музыкальной темы. Устав от домогательств, я занавесилась ресницами и молила только об одном: пусть скорее закончится это бесконечно-паточное, как цыганские козинаки, отделение.

Хвала всевышнему, отделение закончилось еще до того, как я успела состариться, потерять всякую сексуальную привлекательность и купить себе вставную челюсть. И я была первой, кто выскочил из зала, едва не сбив сомлевшую продавщицу компакт-дисков.

А теперь прочь отсюда! Только под страхом гильотинирования я еще когда-нибудь войду под своды этого бога-в-душу-мать храма искусств.

...На улице перед филармонией я сразу же увидела Стаса.

Стас угрожающе улыбнулся и ухватил меня за рукав.

– Куда направляешься, голубка Варенька?

– Вот... Решила подышать... – проблеяла я. – Слишком много впечатлений для моего неокрепшего организма.

– А я было подумал, что ты бежать решила. – Он видел меня насквозь, мой идейный сутенер. Прикидываться бесполезно.

– Если честно, то от классики у меня может развиться ложная беременность. Будь милосерден, Стасевич!

Договорить я не успела: он уже тащил меня к своему покоцанному джипу. Водрузившись на пассажирском сиденье, я вытащила сигарету и вопросительно посмотрела на Стаса. Но он даже не подумал поднести мне зажигалку, напротив, отобрал всю пачку и без сожаления выкинул ее в окно.

– О куреве придется забыть, детка. Хотя бы на период токования с клиентом. Курящих женщин он на дух не переносит.

– Ты-то откуда знаешь? – Я с сожалением посмотрела на бедненькую пачку «Vogue», нашедшую последний приют в луже.

– Знаю, – продолжал темнить Стас. – Возьми-ка вот это.

Он протянул мне не к ночи помянутые контактные линзы.

– Спасибо, но боюсь, что со зрением у меня все в порядке.

– Возьми. Знаешь, как надевать?

– Видела в мексиканском сериале, – огрызнулась я, но линзы все-таки нацепила.

К нерезкой и тотчас же сгнувшейся боли я оказалась готова: потерявшим девственность на повторную дефлорацию глубоко начихать.

– Ну, как? – поинтересовался Стас.

– Как-как... Об косяк, инквизитор.

Я полезла в сумочку, достала зеркальце и воззрилась на себя: глаза, предательски отказавшиеся от родной светло-зеленой гаммы, стали карими.

– Кивиха, – я прозорливо цыкнула зубом.

– Алла Кодрина, – поправил меня Стас. – Фамилию мужа она не брала.

– Очень мудро с ее стороны, – я кокетливо улыбнулась патрону. – Ну что, похожа я на почившую нимфу?

– Не очень, – Стас был самокритичен. – Но общий абрис сойдет. Он должен клюнуть.

Я едва удержалась от того, чтобы не рассказать ему о гипотетических притязаниях виолончелиста в первом отделении, но вовремя промолчала. Не стоит обнадеживать Стасевича раньше времени.

– Что будем делать? – Перспектива возвращения под своды филармонического зала меня не прельщала.

– Второе отделение, – напомнил Стас.

– Уже началось. Так что в зал меня не пустят.

– Черт с тобой. Сделаем так: я подброшу тебя в «Европу», он объявится там часа через полтора. Дальше действуй по обстоятельствам. И помни, обедать вы должны вместе.

... В «Европе» для меня был заказан столик. Стас самолично проводил меня к нему, поцеловал руку, шепнул очаровательную непристойность и испарился. Я осталась одна в чарующем обществе испанского муската «Миральва». Вино тоже было выбрано по настоянию Стаса. Откинувшись на спинку стула и прикрыв глаза, я вертела перстень на пальце и повторяла про себя последние Стасовы наставления: ног не раздвигать, губы не облизывать, призывно не смотреть, водки не требовать, на колени не садиться, ремней не расстегивать и о таксе не заикаться.

Не задание, а куличики на Пасху. В ближайшие же выходные отправлюсь на Смоленку к Ксении Блаженной и поставлюсь свечечками.

Олев Киви появился в ресторанном зале, когда я уже приговорила винишко и с упоением разглядывала матрону за соседним столиком. На старой мочалистой бизнесвумен был очаровательный костюмчик, гармонировавший с чем угодно, только не с ее морщинистой, вытянутой, как у пристяжной лошади, шеей. Я даже зарисовала фасончик на салфетке и теперь обдумывала, во сколько мне обойдется пошив такой миленькой вещицы.

Именно за этим благородным занятием застали меня проголодавшийся эстонец-виолончелист и свора его прихлебателей. Они оккупировали столик в углу, недалеко от меня, и вся ресторанная шушера во главе с метрдотелем слетелась к ним, как воронье к падали.

Пусть терзают, подумала я, свято выполняя заповеди Стаса: никаких провоцирующих телодвижений.

И еще вина.

Вино появилось на моем столе спустя пять минут. А еще через пять минут ко мне подсел худосочный молодой человек с лицом законченного психопата.

– Позвольте? – хрипло спросил он, ухватившись за край скатерти.

Только этого не хватало!

Я оценивающе посмотрела на его побелевшие пальцы: отодрать их от стола, во всяком случае в ближайшие полчаса, не представлялось никакой возможности.

– У кого лечимся? – сочувственно спросила я.

Молодой человек дико скосил на меня глаза и вытащил из кармана визитку: «Петербургская Аномалия». Отдел расследований. Сергей Синенко. Спецкор».

С диагнозом все было ясно, и я тяжело вздохнула.

– Вы ведь тоже?.. – сглотнув слюну, прошептал Сергей Синенко.

– Что – тоже?

– Тоже за ним охотитесь?

– За кем?

– За эстонцем. За Олевом Киви.

От неожиданности я вздрогнула, но тут же взяла себя в руки: две древнейшие профессии постоянно сталкиваются лбами где угодно, даже здесь, в уважаемом зале «Европы».

– С чего вы взяли?

– Мне показалось...

– ???

– Уж слишком старательно вы на него не смотрите.

Я поморщилась: чего мне не хватает в жизни, так это доморощенных детективов.

– Не говорите глупостей, – осадила я зарвавшегося репортеришку.

Репортеришка заткнулся, но ненадолго.

– Простите, я не мог вас видеть раньше?

Дурачина ты, дурачина, всех твоих жалких спецкоровских грошиков не хватит, чтобы увидеть меня. Даже в окне проезжающей машины, не говоря уже о какой-нибудь пикантной позе.

– Боюсь, что нет. – Я замаскировалась бокалом и сделала мелкий глоток.

– Мне нужно взять у него интервью, – не отставал он.

– Берите, – великодушно разрешила я. – Я-то здесь при чем?

– Все дело в том, что он не дает интервью. Уже год, с тех пор, как погибла его жена.

– Вот как?

– Только пресс-конференции. Тухляк на темы искусства...

Дело начинало принимать интересный оборот, и я решила поощрить тайного агента газеты «Петербургская Аномалия» Сергея Синенко.

– И что же с ней случилось?

Спецкор приоткрыл было пасть и тут же с лязганьем ее захлопнул: к нашему столику приближался Олев Киви.

– Он... идет... – апокалиптическим шепотом пробубнил Синенко.

Я и сама это видела: эстонец, сжимавший в руках бокал с красным вином, надвигался, как множественный оргазм у записной нимфоманки – неотвратимо, бесповоротно и стремительно.

Но тем не менее первой жертвой горячего эстонского парня оказалась вовсе не я, а несчастный затравленный спецкор.

– Я могу поговорить с вашей дамой? – обратился к нему Олев Киви.

– Да, конечно... – выдавил из себя мой неожиданный знакомый.

– Наедине. – О, эта артикуляция, подернутая легкой ленцой! Таллин, без сожаления оставленный четыре года назад, снова ухватился за меня узловатыми чухонскими пальцами.

– Конечно, конечно...

Синенко сполз со стула и неуверенной походкой направился к выходу. Я расставила локти (только локти, Стас, ничего криминального!) и принялась рассматривать Олева Киви.

Он был неплох, совсем неплох, с таким можно завалиться в койку без предварительной оплаты: тяжелая челюсть и легкие губы, брови в цвет глаз и глаза в цвет волос – именно так выглядят дюны под сентябрьским солнцем. И не где-нибудь в загаженной яхтами Пирите, а на заповедных островах с длинными окончаниями.

На этих островах я никогда не была.

Эстонец тоже не остался в долгу: он жадно ощупывал мое лицо сузившимися зрачками, он все еще не знал, в каком море бросить якорь и в какой бухте сойти на берег.

Пауза затягивалась и становилась почти неприличной. И я наконец-то решила помочь этому горе-мореплавателю.

– Слушаю вас.

Вместо ответа он уставился на этикетку на вине, и кадык его предательски дрогнул.

– Это ведь случайность, правда? Вы выбрали вино наугад? – Его мягкий голос умолял меня, подсказывал ответ, подталкивал к безопасной колее.

Но на колею, сдобренную худосочным эстонским черноземом, я была не согласна.

– Это только любовников выбирают наугад. И презервативы в аптеке, – не удержалась от сарказма я. – А к винам привыкают.

Олев Киви сморщился и поерзал на стуле, как какой-нибудь отставной майор-геморройник.

– Да, я понимаю... Простите за бестактный вопрос.

– Выпьете со мной? – Черт возьми, мой огрубевший в постельных баталиях рот явно доминировал над мозгами. Я форсировала события, а это вряд ли понравится Стасу.

Эстонец захлопал коровьими ресницами и надолго замолчал. Молчание зависло над его недопитым бокалом с красным вином, над моим бокалом с «Миральвой» и над целомудренными дольками лимона в блюде. Только спустя минуту виолончелист решился. Он выплеснул остатки красного в соусник и потянулся к моей бутылке.

Теперь мы были на равных – оба с мускатом в руках.

– Как вас зовут? – он испытующе посмотрел на меня.

– Варя. Варвара. Некоторые зовут меня Барбара, это тоже не воспрещается. – Имя «Барбара» предпочитали все прошедшие через мои руки иностранцы и один отечественный бизнесменчик, большой любитель долгоиграющей «Санта-Барбары».

– Мне нравятся русские имена, – Киви перевел дух и как будто успокоился. – За вас, Варя. Русские имена, кто бы мог подумать!

Мы чокнулись и молодецки заглотнули мускат. Чертова «Миральва» была мне так же безразлична, как и воинственная мужская анатомия: тело и тело, вино и вино, одно из тысяч, – но Олев Киви!.. Он устроил из пошленького первого тоста настоящий ритуал! Вначале он пил медленно, маленькими глотками, прислушиваясь к себе. А потом, не выдержав, опрокинул в себя остатки муската. Как будто бежал изо всех сил к своему прошлому.

Бежал и боялся опоздать.

Отставив пустой бокал, он откинулся на спинку кресла и снова принялся пожирать меня глазами, – как и тогда, в филармонии. Вот тут-то я и поняла, что его блеклые эстонские очи вступили в явное противоречие с его таким же блеклым умишком: «јаа, јаа, јаа»⁶, – нашептывали очи, «mitte, mitte, mitte»⁷, – настаивал умишко.

«Нет. Этого не может быть».

Необычайным усилием воли Олев Киви шуганул распоясавшийся организм. И снова обратился ко мне.

– Я видел вас в филармонии сегодня, – пролепетал он. – Ведь это были вы?

– Неужели вы в состоянии рассматривать зал во время концерта? – уклонилась от прямого ответа я.

– Все не так... – он пощелкал пальцами, подбирая выражение. – Я увидел вас, потому что... потому что хотел увидеть...

Не закончив, он снова потянулся к спасительной «Миральве» (заказанной, между прочим, на наши со Стасом денежки) и снова опрокинул в себя бокал.

– То место, на котором вы сидели...

– Я всегда заказываю билеты именно на него, – я понимала подвыпившего виолончелиста с полуслова, Стас мог быть мной доволен.

– Маания⁸, – жалобно пробормотал он.

Полностью с тобой согласна, дорогой мой.

– Вы что-то сказали? – участливо спросила я и положила руку ему на рукав.

Перстень, болтавшийся у меня на пальце, по-змеиному изогнулся и выскочил – камнем на поверхность. Симпатичным, но самым обыкновенным камнем, хрестоматийным и не слишком чистым изумрудиком, к тому же довольно небрежно ограненным. Но его чудесное возникновение произвело фурор. Даже известие о штурме таллинской ратуши русским спецназом (куда только смотрит НАТО?!!) было бы встречено эстонцем с меньшим волнением. Он совсем непочтительно перехватил мою руку и едва не сорвал перстень.

Воздуха ему явно не хватало.

– Откуда *это* у вас? – Киви едва шевелил посиневшими губами.

⁶ Да, да, да (эст.).

⁷ Нет, нет, нет (эст.).

⁸ Бред (эст.).

– Семейная реликвия, – я четко следовала дремовским инструкциям. – Подарок матери. Отпустите, пожалуйста. Вы делаете мне больно...

Его отчаянные, ополоумевшие пальцы слегка ослабили хватку.

– Maania, – снова повторил он. – Как вас зовут, вы сказали?

– Варвара. Варя.

Совсем не то, что он жаждал услышать.

– Это не может быть семейной реликвией, Варя. Не вашей, во всяком случае... *Этот перстень я подарил своей жене.*

Он осекся и перевел взгляд с моей руки на свою. Я последовала примеру виолончелиста. На его мизинце ловко сидел перстень. Не такой же (перстень был мужским), но очень похожий. Во всяком случае, камни казались почти идентичными.

– Ей хотелось, чтобы мы всегда помнили друг о друге. – Киви понял, куда именно я смотрю.

Теперь уже мне не хватало воздуха. Жучара Стасевич подложил мне свинью, теперь я знала это наверняка. Свинью с гарниром из индийской мелодрамы. Сейчас этот виолончельных дел мастер начнет призывать на помощь ожиревшее ресторанное секьюрити. И клясться государственным флагом Эстонии, что я воровка и стянула перстенок у его жены, прибегнув к эксгумации трупа. Нетрудно предположить, что за этим последует...

– Отпустите... Если вы не прекратите, я позову метрдотеля, – отчаянно трусая, прошипела я. И, помолчав, добавила: – Сумасшедший...

Слава богу, моя последняя реплика подействовала на него отрезвляюще. Эстонец обмяк, отстранился и закрыл лицо руками.

Бедняжка.

– Vabastama... Простите... Простите меня, ради бога... Не знаю, что на меня нашло... Простите...

Он извинялся бы так до второго пришествия, хлюпя носом и перескакивая с языка на язык, – и я решила осадить его.

– Все в порядке, Олев... – я впервые назвала его по имени.

– Вы знаете мое имя? – он поднял голову и посмотрел на меня со жгучим недоверчивым интересом.

Фильтруй базар, старуха. Так и завалиться недолго.

– Ну, конечно. Виолончель – мой любимый инструмент. Я не пропускаю ни одного концерта. – Господи, прости мне эту ложь!..

За угловым столиком, где расположилась команда Киви, уже началось брожение: виолончельные клеветы отчаянно семафорили своему патрону, призывно стучали вилками, фужеррами и кольцами для салфеток – и даже уронили стул. А спустя минуту выделили парламентаря для переговоров с отбившейся от рук знаменитостью. Парламентарь – плюгавый мужичонка с покатыми плечиками (скрытый педик, не иначе) – приблизился к нам и что-то почтительно залопотал по-эстонски. Общий смысл речи сводился к следующему: «Олев, твою мать, мы все тебя ждем, твою мать, в конце концов, это просто неприлично, твою мать, заставлять ждать такое количество людей, твою мать, и сидеть за одним столом с этой русской шлюхой, твою мать».

Я послала белобрысому молевидному педикку благодарный взгляд: история с обольщением Олева Киви нравилась мне все меньше и меньше, даже обещанная Стасом прибавка к жалованью не делала ее привлекательной. В конце концов, мне вполне хватает моих коммиссионных, а на крайний случай всегда можно устроиться кондуктором в трамвайный парк. Все лучше, чем дергать за конечности скелетов в шкафу истеричного эстонца и разгребать за ним окаменевшее дерьмо. Тем более что в нашей семье уже есть один специалист по дерьму.

Если сейчас виолончелист встанет и уйдет, я буду считать это лучшим порно-эскортом в своей жизни.

Так что извини, Стасевич.

Но чертов Киви не встал и не ушел. Напротив, он вылил на педрилу-парламентера целый поток бесполох эстонских ругательств и подкрепил их смачным русским матерком. Я даже мысленно зааплодировала такой экстравагантности: молодцы чухонцы, хоть чему-то научились у Большого Брата!..

Педик ретировался, оставив после себя запах селедки в молочном соусе; он сдался. Но я, в отличие от него, сдаваться не собиралась.

– Кажется, ваши друзья недовольны...

– Не обращайтесь внимания... Варя, – он выговорил мое имя осторожно и ласково, привыкая к новому для него сочетанию букв.

– Мне тоже пора.

– Вы уходите? – Голос его задрожал, как виолончельная струна в финале сюиты № 1 соль мажор И. С. Баха. Задрожал и сорвался.

Бедняжка, в который раз подумала я.

– Да, – я привстала, демонстрируя серьезность намерений. – И спасибо за концерт, Олев. Вы были великолепны... Как всегда.

– Но... Вы ведь ушли после первого отделения.

Так, значит, ты следил за мной? Хорошенькое дельце.

Я в очередной раз поймала себя на мысли о том, что Стас знал, что делает, когда расставлял силки: ловля на живца, вот как это называется.

– Вы ведь ушли, – продолжал настаивать эстонец. – Почему вы ушли?

– И того, что я услышала, было достаточно, – ляпнула я первое, что пришло в голову. – Ваша музыка разрывает мне сердце.

Мое насквозь лживое, да еще приправленное подобострастной лестью объяснение было шито белыми нитками, но Олев Киви с готовностью клюнул на него. И не выказал никакого желания расстаться со мной.

– Вам нравится виолончель?

Я внутренне содрогнулась, но сумела взять себя в руки:

– Мне кажется, в этом инструменте заключена душа создателя. – Господи, откуда эти тексты? Моментально перебрав в уме всех своих клиентов, я остановилась на сидящем в Крестах Лешике, и происхождение фразы моментально прояснилось.

«Мне кажется, в этом инструменте заключена душа Создателя», – именно так высокопарно Лешик отзывался о своем члене.

Но Олев Киви знать не знал бедолагу Лешика, а тем более его член, – и посему челюсть его благодарно отвисла: он оценил красоту формулировки.

– Я не могу вас отпустить... Вот так просто...

– Мне пора, Олев. Мне правда пора...

Я поднялась, пресекая дальнейшую дискуссию, и поплыла к выходу, профессионально покачивая бедрами. Олев Киви по-настоящему испугал меня: безобидное интеллектуальное болотце, в чреве которого нет и не будет спасения. Следовательно, задача номер один: унести ноги. Унести ноги и спихнуть неудачу с Олевом на форс-мажорные обстоятельства.

Покинув ресторанный зал, я облегченно вздохнула и направилась в женский туалет. Но особенно расслабляться на отдающем гинекологической стерильностью унитазах не пришлось: в дверь робко постучали.

– Кто там? – глупо спросила я и на всякий случай подтянула колготки.

– Я, – вкрадчивый голос принадлежал мужчине. Но не Олеву Киви, это точно.

– Это дамская комната, уважаемый. – Мой голос предательски дрогнул.

– Нужно поговорить.

Я с чувством спустила воду и распахнула дверь. И едва не зашибла криминального репортера Сергея Синенко.

– Какого черта? – Я даже не удивилась его появлению в женском туалете: в поисках материала для своих подметных статей он влез бы куда угодно, даже в доменную печь. Что уж говорить об отхожем месте – так, легкая разминка в стиле «диско».

Юродивый от журналистики смотрел на меня умоляющими глазами.

– Вы разговаривали с виолончелистом, я видел.

– Ну и что?

– Познакомьте меня с ним... Редакция оплатит ваши услуги.

– Сколько? – по-мясницки грубо подошла к вопросу я.

– А сколько нужно?

Я с трудом подавила в себе желание назвать сумму и автоматически перейти в разряд услуги желтой газетенки. Кем-кем, а шлюхой от массмедиа мне быть еще не приходилось.

– Пустой разговор, Сергуня, – я потрепала журналисту по впалой обросшей щеке. – И покинь помещение, пожалуйста. Иначе донесу на тебя, как на извращенца.

Но даже на этом Сергуня не успокоился. Он заговорщицки закатил глаза и всучил мне свою потрепанную визитку.

– На всякий случай... Если передумаете.

Я по привычке сунула визитку в декольте платья имени Аллы Кодриной и двинулась к выходу. Синенко едва поспевал со мной.

– Мы хорошо платим за конфиденциальную информацию, – продолжал увещевать он.

– На здоровье.

– У вас с ним близкие отношения? – неожиданно озарило Синенко, и вот тут-то я начала беспокоиться по-настоящему.

Ошибкой было уже то, что я заговорила с этим хмырем. Нет никаких гарантий, что завтра его клоачное издание не выйдет с моей физиономией на первой странице. Я так и представила себе огромный заголовок: «В постели с виолончелью».

Я оторвалась от репортера и почти коснулась спасительной ручки двери.

– Эй, – крикнул он. – Подождите! Вы что-то потеряли...

Черт меня дернул обернуться – и Синенко щелкнул фотоаппаратом. Старый, но безотказно действующий трюк. Попалась.

Я приблизилась к изобретательному Сергуне с самой очаровательной улыбкой, на которую только была способна, – и с ходу врезала ему по яйцам. Но это был лишь утешительный приз: хорошо тренированный журналистский пах стойко перенес удар. На ногах Синенко удержался, контролируя над собой не потерял, и фотоаппарат остался вне зоны моей досягаемости.

– Ублюдок, – сказала я. Впрочем, без всякого осуждения.

– Сука, – не остался в долгу репортер, а потом почтительно добавил: – Надеюсь на дальнейшее сотрудничество...

Я хлопнула дверь, рысью пробежала по холлу и спустя минуту оказалась на улице. Вышколенный швейцар тут же распахнул передо мной дверцу такси. Я плюхнулась на заднее сиденье и перевела дух. Вечер удался, ничего не скажешь.

Шофер, здоровенный детина, тронул машину с места.

– Улица Верности, – запоздало пискнула я.

И тотчас же задрожала всем телом. В углу салона, сжавшись в комок, сидел Олев Киви. Я зажмурилась, досчитала до десяти и снова открыла глаза: сначала один, а потом другой. Но Олев Киви не исчез, наоборот, выдвинулся из тени и теперь нависал надо мной, как ночной кошмар.

– Простите, – голос его звучал глухо. И мольбы о прощении было в нем меньше всего.

– Что это значит? – Я сдвинула колени: ни дать ни взять целомудренная разрядница из секции по настольному теннису.

– Я не смог... Я хотел отпустить вас... Но не смог.

– Остановите машину.

– Выслушайте меня... Варя.

– Остановите машину. Или вы хотите, чтобы я выпрыгнула на ходу?

Сцена была та еще – невинная крошка и коварный соблазнитель. И я подумала – да-а...

Черт возьми, игра в целибат иногда может увлечь, даже если ты шлюха со стажем и на тебе клеймо негде ставить.

Олев Киви слегка кивнул головой, и шофер ударил по тормозам.

– Чего вы от меня хотите? – спросила я.

– Я... я не знаю...

Не очень умно, но, во всяком случае, честно.

Он действительно не знал, что делать с женщиной, так живо напомнившей ему покойную жену. Должно быть, у Стаса завелись неплохие информаторы, и все было неслучайным: ряд и место в филармонии, мускат «Миральва», нелепое платье и такая же нелепая стрижка.

И перстень.

Интересно, как к Стасу попал перстень? И зачем ему виолончелист, даже с мировым именем?

Я трянула головой и заставила себя не думать об этом: в конце концов, это его, Стаса, дела. В каждой избушке свои погрешности.

Пока я в нерешительности терзала приоткрытую дверцу, Олев Киви успел достать фляжку с каким-то (очевидно, достаточно крепким) спиртным и влить в себя ее содержимое. Это придало ему дополнительные силы, и он снова принялся увещевать меня.

– Вы должны поехать со мной.

– Должна?

– Ну, я прошу вас... Palun!..⁹

Олев Киви снова посмотрел на меня – и заплакал. Вполне интернациональными слезами.

– Хорошо, – наконец-то сдалась я.

Радуйся, подлец Стасевич. Все движется именно в том русле, которое ты предварительно проложил.

Машина сорвалась с места, и я закрыла глаза: будь что будет, не убьет же он меня, в самом деле. А все остальное, включая некоторые – исправленные и дополненные – разделы из «Практического пособия по сексу», я уже проходила.

* * *

Маэстро Олева Киви, дипломанта, лауреата и почетного члена расплодившихся по всему миру Академий, принимали в Питере по высшему разряду. Я поняла это сразу, как только наше такси оказалось под сенью Крестовского с его чрезмерно пышными особнячками «слуг народа» и совершенно чрезмерным обилием видеокамер слежения.

Я была слишком невразумительной шлюхой, чтобы посещать подобные места, а другой шанс мне вряд ли представится. Так что выше голову, Варвара Сулейменова, во всем можно найти положительные стороны.

За то время, что мы добирались до неприятязательного караван-сарая для VIP-персон, Олев Киви успел четыре раза поговорить по мобильнику: на приличном английском, ломаном французском и совсем уж непотребном итальянском... Последний звонок, в отличие от преды-

⁹ Пожалуйста (эст.).

дущих, был сделан самим Киви. Разговор шел на эстонском – на том самом эстонском, жалкие осколки которого я тщетно пыталась забыть. Виолончелист договаривался о свидании – возможно, романтическом: Осло, «Королева Реджина», номер 217. Потом последовало препирательство относительно даты, и Киви и его собеседница сошлись на седьмом июля.

Седьмое июля. Седьмое, а сегодня четвертое. Через два дня он будет в Осло, сукин сын. А я останусь здесь – с занудой Стасом и прибавкой к жалованью, если повезет.

Черт знает почему, но я почувствовала себя уязвленной: верх неприличия лапаты глазами одну женщину и при этом ворковать с другой. Напрочь выбросив из головы дремовские инструкции, я закинула ногу на ногу, потянулась к фляжке, лежащей на сиденье между нами, и сделала большой глоток.

Виски. И совсем неплохое.

Киви сунул мобильник в карман и снова уставился на меня. А потом попросил таксиста остановиться. Я насторожилась: неужели он почуял подвох в моих профессионально-непристойных коленях и моментально вычислил даму полусвета? Сейчас выкинет меня из машины или, того хуже, потребует справку от венеролога... Но ничего подобного не произошло, напротив, он сам покинул салон и вернулся спустя пять минут с шампанским и розами – самый банальный ход, который только можно было придумать. Шампанское я ненавидела еще со времен начала моей трудовой деятельности в Таллине. Тогда налагавшиеся вусмерть клиенты обливали им постели, пупки и нижнее белье, полагая (кретины!), что это очень эротично. А розы...

Розы были слишком недолговечны, чтобы испытывать к ним какое-то чувство. И потом, на фотографии покойная жена Киви тоже была изображена с розой в руках.

Так что понятно, кому на самом деле предназначаются и выпивка, и цветочки: задрав портки, Олев Киви горит желанием дважды войти в одну и ту же реку...

– Это вам, – с придыханием сказал он и протянул мне увесистый букет.

Ясен перец, мне; не матерому же шоферюге, в самом деле! И шампанское тоже: придется пить его из горла, если Олев Киви заранее не запасся фужерами.

...Никаких фужеров, естественно, не было и в помине. А кончилось все тем, что эстонец сорвал пробку и залил пеной мое красное платье. Я даже не успела отреагировать на эту гусарскую выходку – и все потому, что он тотчас же приклеился ладонями к мокрой ткани, потом перешел на колени, бедра и живот. Бессвязные извинения сменил такой же бессвязный лепет о невозможности, нереальности всего происходящего.

Кажется, он назвал меня Аллой.

...Отрезвление пришло сразу же, как только машина остановилась возле высокой ограды, за которой прятался от собачников, эксгибиционистов и прочей шушеры шикарный гостиничный особняк. Киви тряхнул выцветшими волосами, не глядя расплатился с шофером и помог мне вылезти из такси.

– Что дальше? – спросила я.

– Я испортил вам платье, – покаялся чертов виолончелист. Это прозвучало как: «Я испортил вам вечер и собираюсь испортить жизнь». – Я хотел бы загладить вину.

Интересно, каким способом? Наверняка старым дедовским: неприхотливая хуторская случка под сенью футляра от виолончели. Но в конце концов, именно за это мне и платят.

– Поднимемся ко мне. – Голос бедняги Олева слегка подрагивал, он все еще боялся, что я развернусь и уйду, дурачок. – Вам нужно хотя бы обсохнуть.

...Его номер располагался на третьем этаже: почти президентские апартаменты, несколько дежурных филармонических корзин с такими же дежурными цветами (издержки профессии), несколько дорожных баулов из дорогой кожи (за любую из этих умопомрачительных вещиц я готова была расплатиться натурой, не сходя с места); пачка каких-то приглашений на столе и его орудие труда – прямо посередине комнаты.

При виде этой непомерно раздувшейся от гордости скрипки-переростка я зябко повела плечами: наверняка Киви предложит мне прослушать что-нибудь из его репертуара, перед тем как затащить меня в койку.

Наверняка.

Так впоследствии и произошло, но начал он не с этого.

– Хотите есть? – спросил Киви.

– Для начала я хотела бы вымыться, – залитое шампанским платье липло к ногам и создавало определенные неудобства.

– Да-да, конечно...

Он проводил меня к дверям ванной и почтительно распахнул их передо мной.

– Прошу. Все полотенца чистые...

К чему, к чему, а к гостиничным номерам мне было не привыкать: я захлопнула дверь и задвинула щеколду. И пустила воду.

На то, чтобы смыть с себя страстные остатки шампанского, ушло три минуты. Потом, проклиная все на свете, я застирала подол и облачилась в толстый махровый халат, висевший на вешалке. Эта фирменная гостиничная тряпица, помимо всего прочего, должна спровоцировать хобот Олева: женщина в мужском халате – это всегда намек на интимно-доверительные отношения. И на саму собой разумеющуюся близость.

Но когда я вернулась в гостиную в этом чертовом халате, Олев Киви заметно огорчился.

– Вы сняли платье? – глупо спросил он.

Нет, дорогуща, я должна была снова его напялить и торчать в мокрой тряпке только потому, что ее фасон когда-то так понравился твоей жене!

– Оно должно высохнуть, – с трудом подавив в себе раздражение, сказала я.

– Да, конечно... Я не подумал. Я заказал в номер фрукты и шампанское.

– Замечательно. – Ничего замечательного в этом не было.

Олев устроился в кресле, а я напротив него. Теперь я сидела спиной к окну и была почти недосыгаемой для бесстрастного, мерцающего света белой ночи.

А о другом свете не могло быть и речи: *Олев Киви не очень-то жаждал видеть мое лицо.*

Несколько минут мы просидели в полном молчании.

– Итак? – подхлестнула я притихшего эстонца. – Вы наконец объясните мне, что происходит?

– Боюсь, что у меня не получится сразу... Я... Я не так хорошо говорю по-русски...

Бог с тобой, золотая рыбка, все вы прекрасно знаете русский и без запинки лопочете на нем, когда вам это выгодно.

– Ничего. Я пойму.

– У вас карие глаза, правда?

Контактные линзы, так будет точнее. Контактные линзы, вставленные специально для тебя.

– Это имеет какое-то значение?

– Нет... но...

Давай, Олев, давай! Чем быстрее ты надудишь мне в уши историю своей жены, тем лучше: мы вместе погрустим о ее трагической судьбе и спокойно перейдем к постельным развлечениям.

– У моей жены тоже были карие глаза, – решил наконец Олев. – И она тоже была русской.

– Почему «была»? – Я подняла брови. – Она вас оставила?

– Оставила. О, да. Оставила – это очень точное слово... Она умерла.

Я уже хотела было посочувствовать вдовцу-бедолаге, когда в дверь тихонько постучали.

– Войдите! – Киви облегченно вздохнул: он явно обрадовался тому, что разговор о жене откладывается. Хотя бы на несколько минут.

Дверь почтительно приоткрылась, и в комнату вполз гостиничный бой, кативший перед собой столик с причиндалами для романтического ужина. Ничем не примечательная личность с порочными черными кудрями. Лицо боя тоже не вызывало никакого доверия: бегающие глазки, пористая кожа и выдающийся вперед подбородок. Начинаящий трансвестит, сразу же определила я: наверняка тратит половину зарплаты на нижнее дамское белье и ходит в нем по дому, время от времени впадая в изнурительный онанизм.

Бой подхватил бутылку с шампанским и вопросительно посмотрел на Олева.

– Не сейчас, – осадил его эстонец. – Потом. Я сам открою.

Бой разочарованно вздохнул и переступил с ноги на ногу в ожидании чаевых. Но Киви не спешил обрадовать его побочным заработком: вот она, знаменитая эстонская бережливость, вступающая в противоречие с законами гостиничного жанра.

– Вы свободны.

Еще раз вздохнув, бой попятился к двери. Мы снова остались одни.

– Вы хотели рассказать... – снова приступила к допросу я.

– Чем вы занимаетесь, Варя?

Хороший вопрос.

Я назвала бы свой собственный род деятельности несколько м-м... однобоким, но те возможности, которые он предоставлял!.. Измочаленные постоянной борьбой с конкурентами бизнесмены (основной контингент таллинского периода) не всегда были хорошими любовниками, но всегда не прочь поговорить. Так что я имела довольно сносное представление о:

а) цветных металлах;

б) операциях на фондовых биржах;

в) циклах алюминиевого производства;

г) утилизации ядерных отходов.

Но вся эта крупнокалиберная мутотень плохо вязалась с виолончелистом Олевым Киви. Другое дело – моя нынешняя работа у Стаса: я поднаторела на плохо выбритом рок-н-ролле и его таких же плохо выбритых, полузабытых исполнителях. И слово «промоушен» уже не вызывало у меня судорог.

– Так чем вы занимаетесь?

– Я работаю в шоу-бизнесе... В продюсерской компании. – Я едва не прокололась и не назвала фирму Стаса, но тут же прикусила язык.

– Очень интересно...

Ничего интересного в этом нет, уж поверь мне. Особенно если учесть, что импортные старички уже давно вышли в тираж как сексуальные партнеры и к тому же редко чистят зубы по утрам.

Олев, полностью проигнорировав принесенное шампанское, приложился к своей долгоиграющей фляжке. И снова воззрился на меня.

– Значит, вы устраиваете гастроли?

– Да. Поп- и рок-команды... Не могу сказать, чтобы это меня слишком уж вдохновляло...

– А классика? – Киви самодовольно раздул щеки.

– Классика – это отдушина. Единственная, – вдохновенно соврала я. Ответа не последовало, и разговор на профессиональные темы увял сам собой.

Виолончелист встал, побрел к окну (якобы задвинуть шторы. Или раздвинуть их пошире – бог его знает). И оказался в опасной близости от меня. И спустя несколько мгновений я почувствовала его легкие пальцы, коснувшиеся моих волос.

Начинается.

Но Олев Киви не вышел за рамки приличий: он терся у моих волос, как старый алкаш отирается у пивного ларька – в надежде, что ему перепадет пустая бутылка. Именно так. Надежда – вот что он хотел получить любой ценой. А мои измочаленные в угоду Алле Кодриной волосы эту надежду давали. Я прикрыла глаза и приготовилась к дальнейшему развитию событий.

– Armastatud...¹⁰ О... Tutarlaps...¹¹ – наконец-то разродился горячий эстонский парень.

Прямо скажем, никакой «tutarlaps» я не была. «Plika»¹² – вот это мне подходило. Но Олеву Киви было глубоко плевать на этот совершенно очевидный факт. И пока его занимают мои волосы, самое время подумать о его покойной жене. Ее личность интересовала меня все больше и больше. Как, имея такую непритязательную, такую тусклую внешность, ей удалось заарканить мировую знаменитость с довольно сносным экстерьером? Вариант чумовой любовницы я отбросила сразу: чумовые любовницы, как правило, страдают нимфоманией и готовы отдаваться всем и каждому даже в антисанитарных условиях. А игра на музыкальном инструменте предполагает определенную долю целомудрия.

Или главным козырем Аллы Кодриной была именно ее асексуальность? Она не отвлекала муженька от четырехструнной подружки и всегда была на подхвате с чашкой горячего шоколада. Но по таким маловыразительным преданным женам забываешь справиться даже поминки, не говоря уже о том, чтобы помнить их спустя год.

А Олев Киви помнил. Ему и в голову не приходило забыть.

Неужели пресловутое родство душ, в которое я никогда не верила? Один шанс из тысячи?

Я поехала. Но откуда обо всем этом узнал Стас?..

Перехватив руки Олева, я крепко сжала их запястья. Время, отпущенное мной на поощрение его безумств, закончилось. Он и сам понял это и снова разразился потоками извинений.

– Объясните мне, что происходит, Олев.

Киви отпрыгнул от меня с проворством блохи и метнулся в противоположный угол номера – за спасительной фляжкой.

– Хорошо... Когда я увидел вас сегодня... Вы сидели на том месте, где обычно сидела моя жена. Не рядом, не через кресло... Вы сидели именно там, где я впервые увидел ее... Три года назад.

Совсем нетрудно было это предположить, Олев Киви.

В ожидании развития сюжета я наблюдала за его глоткой, всасывающей виски: кадык эстонца ходил, как поршень, а мокрый подбородок слегка подрагивал.

– И ваше платье... Это ее любимый цвет. Красный...

И фасон, мысленно добавила я.

– Мне показалось... Мне показалось, что это она. А потом, когда я увидел вас в ресторане... Вы пили ее любимое вино...

– Простите... Я не знала. Но если бы знала – заказала бы себе что-нибудь другое. – Я была сама оскорбленная невинность.

– Вы не так меня поняли... Вы любили когда-нибудь? По-настоящему?

По-настоящему я любила только брюссельскую капусту, культпоходы по магазинам и духи «Aqua di Giò» и потому сочла за лучшее промолчать.

– Когда любишь по-настоящему, невозможно смириться с потерей, – забубнил эстонец. – И ты обречен на вечные поиски... И тебя всегда будет преследовать мысль, что ты просто опоздал на встречу и что тебя все еще ждут... В маленьком кафе... Где-нибудь на углу улицы Раху...

¹⁰ Любимая (эст.).

¹¹ Девочка (эст.).

¹² Девка (эст.).

Эк куда тебя занесло, Олев Киви! Знала я это кафе на улице Раху, самая обыкновенная забегаловка с выпечкой, тем более что кофе лучше всего варят в Старом городе... Похоже, ты видишь только то, что хочешь увидеть.

– Отчего она умерла? Ваша жена?

– Несчастный случай.

Ну конечно, в высоколобых исполнительских сообществах все умирают естественной смертью или, в крайнем случае, становятся жертвами автокатастроф.

– Сочувствую... Когда это произошло?

– Год назад... И ничего, кроме ярости. Она оставила меня, она подло меня оставила...

Если ты так убиваешься, то почему тебе не последовать за ней?

Олев Киви смотрел на меня остекленевшими глазами: он здорово набрался.

– Четыре месяца я не подходил к инструменту... И год не был в Петербурге... А я люблю этот город. Очень люблю. Это ее город. Вы понимаете?

– Да, конечно.

– И вот я приезжаю сюда спустя столько времени... Чтобы увидеть вас... Чтобы снова увидеть ее... Это не может быть простым совпадением...

Еще как не может! Давай, Олев, давай!

Я снова завертела на пальце злополучный перстень, и Олев Киви окончательно съехал с катушек.

– Зачем ты ушла, Алла? Зачем ты ушла от меня? – запричитал он.

Пора брать инициативу в свои руки.

Я сползла с кресла, вплотную приблизилась к эстонцу и обхватила его массивную голову. Но дальше дело не пошло: Киви засопел и отстранился от меня. Очевидно, его покойная жена была не такой приткой.

– Простите, – теперь пришла моя очередь извиняться. – Сама не знаю, как это получилось.

– Это я во всем виноват... Я не должен был...

– Скажите, у вас не было женщины? С тех пор, как умерла ваша жена? – приступила к обычным терапевтическим процедурам я.

Он посмотрел на меня как на идиотку, осквернившую его фамильный погост.

– Никогда, никогда и ни с кем у меня не будет такой близости... Никогда.

Все понятно, обычный параноидальный бред, который импотенты-трудоголики выдают за трах в астрале. Я подошла к столику с фруктами, выбрала самое большое яблоко и с вызовом хрустнула им. Пропади ты пропадом, Олев Киви. И ты, Стас Дремов, вместе с ним. Судя по всему, оба вы садомазохисты, мальчики, а мне вовсе не улыбается, чтобы кто-то ставил раком еще и мою душу...

– Уходите! – неожиданно трезвым голосом отчеканил эстонец.

Я пожала плечами и направилась к ванной. Платье так и не высохло, но какое это теперь имеет значение? Я швырнула халат на стерильный кафель и переоделась. И тихонько прошла к двери.

Прощай, Олев Киви! Прощай, засранец!

Он догнал меня в три прыжка и ухватил за плечи:

– Я несу чушь... Я не имею права вас отпускать...

О боже, дровичливо продолжается и, судя по всему, только набирает обороты. Если в конце этой ночи я еще буду в состоянии соображать, то обязательно потребую у Стаса увеличения гонорара... Олев Киви снова водрузил меня в кресло и по-собачьи заглянул в глаза.

– Я хочу сыграть вам одну вещь... Ту, которую она любила больше всего.

Увеличение гонорара – и как минимум в два раза!

Я кивнула головой: валяй. Но Олеву Киви даже не требовалось мое согласие. Он устроился на стуле, придвинул к себе чертову бандуру, наклонил голову и закатил глаза. А потом провел смычком по струнам. Пригорюнившись и подперев голову рукой, я стоически выслушала весь джентльменский набор звуков: это была абсолютно противопоказанная мне смесь завываний ветра, скрипа тележных колес, хлопанья ставен и мяуканья котов в подворотнях. Непередаваемый колорит раннего эстонского вечера в конце марта!

«Мартовские тени», – вспомнила я надпись на фотографии Аллы Кодриной. И не в этой ли тоскливой музыке кроется истинная причина ее смерти? Я бы ничуть не удивилась.

Пока Олев Киви вдохновенно водил смычком по струнам, я успела позавидовать недооцененному мной яблоку, неоткрытой бутылке шампанского, цветам в корзинах и начищенным ботинками самого Олева: в отличие от меня, ушей у них не было. Наконец он судорожно вздохнул, посмотрел на меня и опустил смычок. Какое облегчение!

– Божественно! – Я даже нашла в себе силы пару раз хлопнуть в ладоши.

– Вам правда понравилось?

– Вы еще спрашиваете...

– Это мое собственное сочинение, – скромный автор выпятил подбородок. – Сонатина для виолончели соло.

Исполнял бы ты лучше Баха, честное слово!

– Я не играл эту вещь год, – он недоверчиво посмотрел на свои руки. – Только она слышала ее... Она, и теперь вы.

– Я тронута...

Стоило мне произнести эту фразу, как Олев Киви осторожно отставил инструмент, сделал еще один (контрольный) глоток виски... и накинудся на меня, как ненормальный. Да, никто не переубедит меня в том, что есть незаменимые женщины... А одноразовые мы шлюхи или многократные матери семейств – какое это, в сущности, имеет значение?..

Олев Киви оказался довольно необычным любовником, если, конечно, подходить к нему со стандартными мерками. Во-первых, он добросовестно облизал каждый уголок моего тела. Во-вторых, он спотыкался губами на каждой выпуклости и на каждой впадине, он как будто прислушивался к себе, к своим ощущениям, к своим воспоминаниям. И ничего не помнил, ничего не ощущал. И ничего не слышал, горе-прелюбодей! Несколько раз я порывалась взять инициативу на себя, но, вспомнив об инструкциях Стаса, махнула рукой: делай что хочешь! Закрыв глаза, я вспомнила старую бизнес-лошадь из «Европы» и ее умопомрачительное платье, фасон которого зарисовала на салфетке, – вот что я водела сейчас больше всего! А если прибавить к нему золотую цепочку, подаренную Лешиком перед самой посадкой в Кресты, – то флер разнузданной непорочности мне обеспечен.

Пока я рассуждала о непорочности, Олев Киви сбросил с себя остатки одежды и вытянулся рядом. И затих. Никаких суетливых презервативов, никаких копий наперевес. Все это выглядело довольно странно – если учесть, что у него вот уже год не было женщины. О, если бы не Стас с его монастырскими наставлениями, – я бы раскопегарила этого северного тюленя в момент. Но... Неизвестно, как отнесется к моим поползновениям сам Киви. До нашего стремительного марш-броска в койку я была воплощением консерваторского академизма, не стоит ломать рисунок роли и теперь.

– Олев! – Протянув руку, я погладила его по спутанным волосам.

Никакого ответа. Распроклятое виски сделало свое дело: эстонец спал сном младенца. Или сном хуторянина, только что выполнившего свои супружеские обязанности. Для полноты картины не хватает только хлопчатобумажных кальсон и электродойки в мозолистых руках. Досадливо поморщившись, я поднялась с кровати, проскользнула в гостиную и открыла шампанское. И закачала в себя полбутылки. А потом, осмелев, коснулась пальцами виолончельных

струн. Звук оказался низким и неожиданно глубоким, – и это примирило меня с действительностью.

Здоровый сон, вот что мне сейчас нужно.

Здоровый сон надвинулся даже быстрее, чем я ожидала: я едва успела добраться до смятых простыней и тотчас же рухнула в объятия Олева.

– Ты ведь больше не оставишь меня? Ты не оставишь меня, Алла?.. – не открывая глаз, пробормотал он, крепко сжав мои плечи.

Ответить я так и не успела.

* * *

Даже развалины монастыря кармелиток на полдороге из Таллина в Пириту мне не приснились.

А они снились мне всегда, если я ночевала не дома и – тем более – в сомнительном обществе сомнительного любовника. И каждый раз я грешила на боженьку: это были его происки, он все еще не терял надежды наставить меня на путь истинный.

И вот, пожалуйста, сбой в программе.

Я вынырнула из сна, как выныривают из затаенного ряской омота, – с дикой ломотой в висках и мелкой дрожью в конечностях. Машинально нащупав рядом с собой прохладное мужское тело, я так же машинально восстановила подробности предыдущей ночи, спустила ноги на пол и поплелась в ванную. Контактные линзы немилосердно жгли глаза, и первым делом я избавилась от них. Теперь можно посмотреть на себя трезвым взглядом. Опершись ладонями о зеркало, я несколько минут изучала свою физиономию и даже нашла ее несколько поумневшей. Определенно, контакты с творческим человеком облагораживают.

Придя к такому нехитрому выводу, я устроилась на биде: мало ли что стукнет в голову моему полоумному виолончелисту, а я должна быть во всеоружии. Тем более что обед со знаменитостью еще никто не отменял.

А потом...

Потом я подняла голову и увидела *это*.

«Это» было таким нереальным, таким невозможным, что я даже ущипнула себя за ляжку, но «это» не ушло, напротив, оно надвинулось на меня, так и норовя сожрать целиком.

«Это» было моей собственной ладонью. Вернее, ее отпечатком на безмятежной поверхности зеркала. Кровавым отпечатком. Каждая фаланга просматривалась с ужасающей четкостью, каждый палец был пугающе совершенен, каждая линия на ладони была на своем месте, включая линию судьбы.

Незавидная у тебя судьба, Варвара Сулейменова.

Стоп. Кто сказал такую чушь?

Или это я сама?

Медленно, как в плохой киношке с субтитрами, я перевернула правую ладонь и уставилась на нее. Никакой ошибки.

Ладонь тоже была в крови.

И этот запах... Запах, идущий от перерезанного горла петуха, от содранной коленки, от мертвой чайки, от разбитой головы брата Димаса, умудрившегося попасть под мопед. Запах, идущий от самых страшных воспоминаний моего детства.

Кровь.

Не клюквенный сироп, не шашлычный кетчуп – самая настоящая кровь. Мне стало дурно от этого тошнотворного сладковатого запаха, и я едва не рухнула с биде. Что делает эта кровь у меня на ладони? И как она там появилась? Никакой боли я не почувствовала – следовательно, это не моя кровь. Тогда чья? Может быть, Олев мне объяснит?

Настойчивый телефонный звонок за дверью ванной вывел меня из оцепенения.

Я прислушалась: никакого движения в номере. Неужели он не слышит?

Он не слышал. Он спал мертвым сном. Я сказала – «мертвым»?..

...Не помню, сколько мне понадобилось времени, чтобы добрести до спальни. Олев Киви – маэстро, лауреат, дипломант – лежал в той же позе, в которой я оставила его. Ничего, ровным счетом ничего не изменилось.

Вот только в груди у него торчал нож!

Нож, загнанный по самую рукоять...

Allegro ma non Presto

Киношка с дрянными, отвратительно пропечатанными субтитрами продолжалась. Хренов киномеханик, сидящий где-то наверху, наверняка перепутал коробки с фильмами – и вместо легкого романтического порно я оказалась на задворках потнучего триллера.

Дура, дура, трижды дура в дурацких бикини с дурацкими гиацинтами, – когда эта дура пришла в себя, то оказалось, что она стоит посреди спальни, босиком и с окровавленным ножом в руках.

Твою мать.

До сих пор я не могу объяснить себе, как мне удалось вытащить нож из окаменевшей груди Олева Киви. И – самое главное – *зачем* я это сделала?! Но факт оставался фактом: орудие убийства намертво приклеилось к моей руке. Той самой, которая еще хранила следы крови жертвенного эстонского барана. Меня не вырвало, хотя я была гораздо блевать и в менее экстремальных ситуациях. Меня даже не тошнило, быть может, потому, что я так и не захотела поверить в реальность происходящего. Все еще на что-то надеясь, я приблизилась к Олеву и, стараясь не смотреть на темную, загадившую образцово-показательную VIP-простыню лужу, ухватила его за запястье.

Пульса не было.

Не было его и на шее. И вообще – я имела дело с восхитительно, непередаваемо, бесповоротно мертвым человеком. С трупом, если прибегнуть к общепринятым формулировкам. Пока я переваривала это открытие, в дверь номера постучали.

Стук был слишком настойчив, чтобы вот так просто отмахнуться от него. Стук не предвещал ничего хорошего. И если сейчас я не открою дверь, то ее просто вынесут. Хорошо же я буду смотреться в этом убийственном интерьере!..

Оглушенная и раздавленная, я заметалась по номеру, тщетно пытаюсь припомнить все известные мне матерные ругательства. А потом накинула халат, сунула руку с ножом в карман и на полусогнутых побрела навстречу неизвестности.

Интересно, сколько лет мне дадут? А учитывая общественное положение Олева Киви и его авторитет в исполнительских кругах... Куррат! Мышеловка захлопнулась, прищемив мой похотливый, привыкший к легким заработкам хвост.

...За дверью стоял вчерашний молевидный педик. Он задумчиво вертел в руках табличку «Просьба не беспокоить» и сопел гайморитным носом. При моем появлении педик засопел еще сильнее.

– Олев, – надменно процедил он. – Мне нужен Олев.

– Он в ванной. Скоро выйдет, – я постаралась придать дрожащему, как осиновый лист, голосу максимум легкомыслия. – Ему что-нибудь передать?

– Я бы хотел поговорить с ним. – Еще секунда, и он оттеснит меня плечом, войдет в номер и...

– Кажется, вас зовут...

Несколько секунд он изучал меня, русскую шлюху, вторгшуюся в святая святых – под своды молочно-розового и почти европейского eesti тела его босса.

– Калью, – наконец снизошел он.

– Да, Олев говорил мне о вас...

– В таком случае передайте ему, что он опаздывает на пресс-конференцию. Мы должны были выехать полчаса назад. Я жду его внизу. Через десять минут.

Он умудрился обхамить меня, не сказав ни одного дурного слова. Я вынула из рук Калью табличку и снова водрузила ее на дверь.

– Что-нибудь еще?

– Plika! – бросил он мне напоследок.
И без тебя знаю, тоже мне, удивил!

...Я закрыла дверь и прижалась к ней горячим лбом: десять минут. У меня есть десять минут, чтобы унести отсюда ноги. Эти десять минут – мой единственный шанс. Потом я буду рвать на себе волосы, реветь белугой и кататься по полу; но это – потом. А сейчас мне нужна ясная голова. Ясная голова и хотя бы минимальная способность проанализировать ситуацию... Господи, ну почему я не имела склонностей ни к чему, кроме как к разгадыванию кроссвордов в журнале «Дамский вечерок»!

Впрочем, и этого мне хватило, чтобы сообразить: в шести клетках по горизонтали складывалось весьма неприятное слово. Оно рифмовалось со словом «конец», но было куда более емким.

Спокойно, Варвара. Не суетись под клиентом, как говаривал Стас Дремов. Сукин сын, втянувший меня в эту тухлую историю. Пусть сам теперь и вытаскивает.

В спальню к мертвому Киви я больше не заходила. Двух минут мне хватило на то, чтобы натянуть платье и надеть туфли. Все остальное время я потратила на руку и нож. Я отмывала их с таким остервенением, что, казалось, протру до дыр. Просто сумасшествие какое-то! С трудом заставив себя оторваться от этого бесперспективного занятия, я выключила воду, завернула нож в несколько слоев туалетной бумаги и двинулась к выходу.

...Сволочной Калью наколол меня с самым очаровательным эстонским вероломством: он никуда не ушел, он вовсе не собирался ждать Олева внизу. Напротив, он занял ближние подступы к номеру и теперь сидел в глубоком кожаном кресле наискосок от двери. Я едва не потеряла сознание, когда увидела его унылую физиономию.

– Он сейчас выйдет, Калью! – Неужели это я? И даже голос у меня не дрожит.

– Onneks!¹³ – Лицо подручного Киви исказила совершенно атеистическая гримаса.

Я еще нашла в себе силы помахать ему рукой (той самой, которую так долго оттирала от крови): мол, пока, красавчик, еще увидимся. Мы теперь часто будем видеться. Твой эксцентричный шеф предложил мне руку и сердце и всерьез подумывает, не завести ли нам детей...

И прошла мимо, едва сдерживая себя: только бы не сорваться, только бы не побежать! До спасительной лестницы было всего лишь несколько десятков метров, но их еще предстояло пройти.

Проигнорировав лифт в стиле модерн, невесть зачем пристегнутый к трехэтажному дому, и едва не сломав каблук, я скатилась с лестницы и оказалась в просторном холле. Мраморный пол, фонтан с такой же мраморной скульптурой какого-то античного говнюка; ненавязчивая стойка портье, за которой отирался теперь говнюк современный.

И три туполобых жеребца-секьюрити, от которых за версту несло журналом «Плейбой», чипсами и оружейной смазкой. Одного из них, стриженного под фээсбэшный бобрик, я видела вчера вечером. Два других скорее всего заступили на смену ночью. Или утром. Когда кто-то убил Олева Киви.

У-бил.

Ну, наконец-то! Вот меня и затошнило!

Не хватало еще выплюнуть желудочный сок здесь, в присутствии видеокамер. Трех видеокамер. Они лезли мне в глаза и напрочь лишали воли. Интересно, что сейчас поделывает верный Калью? Наверняка ворвался в номер, чтобы поторопить шефа... Боже, как ты несправедлив!

Шевели ногами, старуха, иначе ты выйдешь отсюда только под конвоем...

¹³ Слава богу! (эст.).

Двое свеженьких секьюрити двинулись было ко мне, но «бобрик» остановил их одним лишь коротким кивком головы: я была гостьей гостя и имела право на свободное передвижение. Приближаемся к Европе, совсем неплохо.

Но напрасно я радовалась: «бобрик» сам направился в мою сторону.

– Добрый день, – сказал он, профессионально обшарив меня с ног до головы.

Уже день, очень хорошо. Долгонько мы спали. А кое-кто вообще не проснулся...

– Добрый, – пролепетала я.

Должно быть, в прошлой жизни «бобрик» служил в каком-нибудь занюханном райотделе и курировал потаскух. Иначе между нами не установился бы такой трогательный контакт на уровне взгляда и легкого подрагивания ресниц.

«Отработала, красотка?» – спросили его глаза.

«Не то слово! Отпахала, паренек», – ответили мои.

«Ну, хоть прилично отстегнул?»

«На булавки хватит».

«Смотри не вляпайся в какой-нибудь СПИД. Кто их знает, этих граждан мира...»

«Постараюсь».

«Бобрик» распахнул передо мной двери и придержал за руку. Его пальцы были такими жесткими, что я с трудом удержалась от того, чтобы не написать заявление о явке с повинной.

– Всего хорошего, – улыбнулся «бобрик», обнажив вполне миролюбивые клыки волкодава.

– Вы не подскажете, который час? – набралась наглости я.

– Двенадцать. Без десяти.

– Опаздываю!..

Ослепительный летний день был совсем рядом. И я сделала шаг ему навстречу.

А теперь – бежать. Бежать отсюда со всех ног! Чертовы каблукки...

Но бежать не пришлось. За живой изгородью из жимолости дежурило такси. Значит, у меня еще остается шанс. Я бросилась к машине и сунула голову в салон.

– Свободны?..

Ну надо же! Это был вчерашний бугай, тот самый, который вез нас с Олевом на Крестовский. Бугай тоже узнал меня и растянул рот в улыбке – совсем как охранник минуту назад.

– Улица Верности?

Я опешила. Шоферюга оказался обладателем феноменальной памяти, он не забыл, какой адрес я назвала ему вчера. Факаная дура, ты еще не успела покинуть место преступления, а уже оставляешь следы и плодишь улики со скоростью кролика!

– Суворовский, – брякнула я первое, что пришло в голову, и только потом сообразила, что на Суворовском проживает Стас. Раньше двух он в конторе не появляется, а сейчас двенадцать. Что ж, отлично. Только Стас сможет защитить меня.

– Суворовский так Суворовский. – Он совсем не торопился завестись, разжиревший сукин сын; он рассматривал меня в зеркало заднего вида самым бесцеремонным образом.

– Поехали! – не выдержала я. – Я опаздываю.

...Через пять минут мы выбрались из заповедной зоны и втиснулись на запруженный автомобилями Каменноостровский. У меня разболелась голова и дрожал подбородок, а в глазах стоял обнаженный торс Олева Киви, слегка припорошенный кровью. И нож. Нож, который лежал у меня в сумочке.

– Вам плохо? – участливо спросил водила.

– Перебрала... Немного... – Я с трудом разлепила губы. Тошнота, все это время сидевшая где-то в районе ключиц, поднялась к горлу.

– Бывает.

– Остановите... Я на минутку.

Он понимающе кивнул и нажал на тормоза. Я выскочила у метро «Петроградская», осквернила первую попавшуюся урну и снова вернулась в салон.

– Ну, как? – водила положительно не хотел оставлять меня в покое.

– Уже легче.

– Купите кефир. А еще лучше – запивать кефиром водку, так сказать, в процессе. Старый рецепт ладожских водолазов.

– А вы водолаз? – совсем некстати спросила я.

– Был.

Лучше бы ты там и оставался, на Ладожском озере... Но вслух я этого не произнесла, а совершенно неожиданно для себя заявила совсем другом:

– Вообще-то, на Верности живет моя подруга. Я как раз собиралась к ней вчера вечером.

– Я так и понял.

– Правда?

– На улице Верности такой девахе, как ты, делать нечего.

О, господи, еще один физиономист!.. И еще одна шуточка на тему.

Остаток пути до Суворовского мы проделали в полном молчании. Я попросила остановить машину за три дома до дремовского логова: в моем положении осторожность не мешает. Шофера же прорвало, как только я взялась за ручку.

– Может, оттянемся? – спросил он, повернув ко мне свое блинообразное лицо с оспинами, отдаленно напоминающими лунные кратеры.

– В другой раз, дорогуша.

Я искренне надеялась, что не увижу его никогда в жизни. Даже если мне не повезет и ее остаток придется провести в бегах.

– Подожди...

Он похлопал себя по карманам в поисках бумажки, но, так и не найдя ничего подходящего, вытащил из бардачка газетный лист и прямо на полях написал телефон.

– Меня Геной зовут. Позвони, когда соскучишься.

– Непременно.

Ломая каблуки, я выскочила на тротуар. Сексуально озабоченный Гена эскортировал меня еще с десятков метров, а потом, коротко посигналив, умчался в сторону Смольного.

Все. Теперь к Стасу. Он просто обязан вытащить меня из того дерьма, в которое я вляпалась.

* * *

...Стас умел жить широко.

Я убеждалась в этом постоянно, стоило мне только зайти в его шикарный подъезд с усами консьержками и цветами на лестничных площадках. Цветы носили сомнительного качества название ванька мокрый.

– Куда? – в сто двадцать первый раз спросила меня консьержка баба Люба, бывшая воровка.

– В девятнадцатую. К Дремову, – в сто двадцать первый раз ответила я.

– Дома он. Еще не выходил... – снизошла баба Люба и добавила – со всей классовой ненавистью, на которую была способна: – Шастают тут всякие...

Стас жил на последнем этаже, в так называемом «русском пентхаусе» с мансардными окнами и сломанными перегородками. Со времен нашего знакомства в Таллине он разбогател, обуржуазился, завел себе дорогую мебель, две финиковые пальмы и попугая-жако по кличке Старый Тоомас. Все свободное время Стас посвящал обучению тупоголовой птицы матерным ругательствам.

Некоторые из них ему придется выслушать и от меня.

Лифт, как всегда, был занят, и я поплелась на шестой этаж пешком.

И на несколько минут остановилась перед большим зеркалом на площадке между первым и вторым этажом; тяжелая махина в позолоченной раме осталась здесь еще со времен Февральской революции. Я осмотрела себя и нашла, что выгляжу гораздо хуже, чем утром: ошметки теней, осыпавшаяся тушь на ресницах, ввалившиеся щеки и опущенные уголки губ. О глазах и говорить не стоит. Совсем некстати я вспомнила, что именно такой (прямо скажем, бледный) вид имела наша со Стасом общая подруга Кайе – после ночи, проведенной с двумя симпатичными выпускниками училища имени Фрунзе.

Черт, сейчас я согласна была на целый эсминец симпатичных выпускников – лишь бы со мной не случилось того, что случилось. Но нож по-прежнему лежал в сумке и даже не думал исчезать оттуда.

Я нетерпеливо нажала звонок Стасового родового гнезда и приготовилась с порога захватить ему в челюсть. Но рукоприкладствовать не пришлось: за дверь было тихо.

– Стасевич! – заорала я. – Открывай, убудюк!

Никакого ответа.

Выждав еще несколько минут (на случай посещения Стасом санузла), я возобновила штурм. И снова он не принес никаких результатов. И тогда в моей голове щелкнуло:

А что, если Стас просто подставил меня?!

Мысль, показавшаяся поначалу невероятной, быстро обросла нужными свидетелями и ненужными подробностями. Стас не имел никакого отношения к гастроям классических исполнителей, но почему-то ему срочно понадобилась аудиенция у Олева Киви. Стас дал мне фотографию жены Киви и попросил максимально соответствовать ее изображению. Стас купил мне билет в филармонию – именно на то место, на котором всегда сидела она. А столик в «Европе»? А чертов мускат «Миральва»? А контактные линзы? А перстень?!

Я едва не прошибла головой дверь. Олев Киви сказал, что точно такой же перстень он подарил своей жене. Какого хрена «точно такой же»?! Это и был перстень его жены! Но откуда Стас взял его? И зачем, зачем?!

Я вцепилась в листья ваньки мокрого, стоящего на подъездном подоконнике, и зарыдала. Но это не были слезы отчаяния – меня душила ярость. Как я могла забыть о его сутенерском прошлом? В том, чтобы подставить шлюху, не было ничего экстраординарного. Напротив, это даже поощрялось: шлюха всегда должна знать свое место.

Ты за все мне заплатишь, Стасик Дремов! Тем более что терять мне нечего. Я знаю еще один способ проникнуть к тебе в квартиру.

Поднявшись на полпролета вверх, я оказалась перед чердачной дверью. Ключ от нее хранился в пожарном щите, за образцово свернутым брезентовым рукавом. Этот тайничок показал мне когда-то сам Стас, находившийся в благодушном подпитии: иногда его перемыкало, он вспоминал, что в детстве мечтал быть астрономом и открыть хотя бы одну сверхновую звезду. Никаких сверхновых он не открыл, детскую мечту задвинул за бритый лобок, а вот страсть к пьяным посиделкам на крыше осталась.

Ключ оказался на месте.

Я вставила его в замочную скважину и открыла дверь на чердак.

К крошечному слуховому окну вел узкий проход: часть чердака была перегороджена стеной, за которой располагался второй этаж двухуровневой квартиры Стаса. Год назад он дал на лапу кому-то из районной администрации, чтобы ему позволили перенести коммуникации, выдолбить трухлявую чердачную начинку и расширить свои владения.

...Чтобы выбраться на крышу, мне пришлось снять туфли и обматерить никчемного двойника платья Аллы Кодриной. Мало того, что такая модель никогда не шла мне и мешала передвижению – она, именно она сыграла роль приманки для Олева Киви. Она ввергнула меня

в несчастье. Раскаленные листы железа жгли мне пятки, но я не чувствовала боли: Стас Дремов должен за все ответить.

Или все мне объяснить.

Добравшись до его первого мансардного окна, я заглянула вовнутрь: дохлый номер – весь обзор перекрывала гребаная, не на шутку разросшаяся финиковая пальма. Оставалось еще одно окно. Но если вторая пальма показывает те же темпы роста – плохи мои дела.

Со вторым окном мне повезло больше: оно находилось прямо над кроватью Стаса. Пьяная страсть к звездам взяла верх над трезвой страстью к флоре. Ура, *olgu tervitatud*¹⁴ детские мечты, как сказала бы Анне Раамат, звезда эстонского любительского порно...

Стас лежал на кровати, широко раскинув руки – в своей любимой позе пресыщенного шейха. Я принялась стучать каблуком туфли по стеклу, привлекая к себе внимание, но он даже не пошевелился. Только Старый Тоомас, ходивший по кровати, поднял голову и захлопал линиялыми крыльями. Я сложила ладони лодочкой, спасаясь от прямого солнца, и приблизила лицо к стеклу: теперь солнечный свет не мешал мне, и я смогла рассмотреть комнату.

И Старого Тоомаса.

И Стаса.

Старый Тоомас отключил хвост и нагадил прямо на простыню. Но Стас не согнал неряху с кровати. Он и не мог этого сделать... *Он тоже был мертв!*

Мертв, как Олев Киви.

Мертв. Убит.

Так же, как виолончелист.

Вся голова в крови.

На секунду мне показалось, что я схожу с ума, что я снова вернулась в гостиницу, из которой с трудом выбралась сорок минут назад. Но это была не гостиница, это была квартира Стаса! Я нависала над ней, вцепившись побелевшими пальцами в раму, с бесполезными туфлями в руках, с бесполезной сумочкой, с бесполезной жизнью.

Комната Стаса завертелась перед моими глазами, кровь на простынях сложилась в контуры острова Сааремаа – именно туда пригласил меня Стас в первое лето нашего знакомства. Пригласил и предложил работать на себя. На Сааремаа мы так и не поехали, но предложение Стаса я приняла. И вот теперь он мертв. И у меня больше нет работодателя. И лучшее, на что я могу рассчитывать после побега из гостиницы, – это пошивочный цех в какой-нибудь женской колонии. От безысходности ситуации я застонала. Еще вчера вечером я была относительно свободна и относительно счастлива.

Кажется, я отрубилась.

А когда пришла в себя – тело Стасевича по-прежнему парило подо мной. Мое же собственное тело, распятое на стекле, отбрасывало причудливую тень на кровать. И, по странному, почти мистическому совпадению, контуры тени почти совпадали с той позой, в которой лежал Стас. «Он потянет за собой и меня, потянет и меня», – билось в моих висках.

Я сползла со стекла и на четвереньках добралась до чердачного окошка. Вон отсюда. Теперь ты можешь надеяться только на себя.

Выбравшись на площадку, я отряхнула платье и надела туфли. И, стараясь удержать в груди бешено колотящееся сердце, направилась к лифту. А в следующую минуту... Я даже не успела сообразить, что происходит, когда дверцы лифта распахнулись, и из них выплыла Вера Константиновна.

Вера Константиновна, вечная Стасова домработница, старая сука, ненавидевшая всех женщин моложе тридцати пяти.

– Здравствуйте, – прошептала я заплетающимся языком.

¹⁴ Да здравствуют! (*эст.*).

- Сам-то дома? – спросила она только для того, чтобы что-то спросить
- Н-не знаю... Я... Я до него не дозвонилась.

Лицо Веры Константиновны исказила гримаса: «Знаем мы, как ты не дозвонилась, знаем мы, за какой шнурок от звонка ты дергала».

– А чего такая бледная? – не отвязывалась от меня старуха.

– Неважно себя чувствую...

«Знаем мы, как ты неважно себя чувствуешь, меньше нужно по мужикам таскаться!»

– Может, зайдешь? – она посмотрела на меня испытующе.

Я вздрогнула и уронила сумку. К счастью, она не раскрылась.

– Поеду, пожалуй, – я уже держалась за створки лифта.

– Привет-то передать?

– Кому?!

– Станиславу. Да что с тобой?

Меньше всего Станиславу нужны были сейчас мои приветы. Равно как и финиковые пальмы, попугай Старый Тоомас, домработница, кабинет в офисе, переговоры, контракты, бритва «Жиллетт» и баночное пиво. Я нажала кнопку первого этажа, и лифт пошел вниз. Давай же, давай!.. На то, чтобы обнаружить труп, уйдет минуты две от силы. Еще минуту накидываем на выход из шокового состояния (дольше он у закаленной советской действительностью Веры Константиновны вряд ли продлится), еще минуту – на набор магических цифр «02»... Потом она сообразит, что к чему, бросится вниз и...

Я должна убраться до того, как Вера Константиновна вспомнит о моем существовании.

Коротко кивнув бабе Любе, я прорвалась на улицу и сразу же тормознула битый «жигуленок». Черт возьми, второй раз за сегодняшний день мне приходится уносить ноги.

«Жигуленок» выбросил меня у станции метро «Площадь Мужества», прозванной нашей со Стасом общей подружкой Кайе «Площадью мужеложства». Теперь в подземку – и до «Академической». Домой. Мне нужно время, чтобы во всем разобраться и решить, что же мне делать дальше.

Остаток пути я самым банальным образом проплакала, я с трудом подавляла в себе желание не упасть на пол вагона и не забиться в падучей. Два раза меня пробовали утешить пенсионерки, четыре – молодые люди самых разных калибров и расцветок. Они же предлагали мне: адмиралтейское бочковое, токайское коллекционное, прокатиться на лодке в ЦПКиО, переспать, посетить гей-клуб и сауну. Еще вчера (о, господи, только вчера!) я рассмотрела бы эти предложения в порядке поступления. Но сегодня... Сегодня я даже не знала, где меня застанет огрызок белой ночи...

Никакого патруля у моего подъезда не было, да и снайперов на крыше тоже. Я взлетела к себе на шестой этаж и сразу же включила телевизор. Через полчаса должны начаться местные новости. Наверняка убийство Олева Киви попадет в них (бедная я, бедная!). А пока нужно прекратить истерику, попытаться взять себя в руки и спокойно обдумать ситуацию.

Итак.

Вчера вечером в ресторане «Европа» при большом стечении народа одна никому не известная женщина подняла одного очень известного мужчину. Свидетелями в этом случае могут выступить:

1. Метрдотель, физиономию которого я не смогла бы вспомнить и под дулом пистолета.
2. Криминальный репортер Сергей Синенко.
3. Педрила Калью.
4. Шофер Гена.

Потом – гостиница с другим набором очевидцев.

1. Портье, физиономию которого я не смогла бы вспомнить и под дулом пистолета.

2. Стриженный секьюрити, просекший мою специальность по произвольным движениям задницы.
3. Недотепа-официант с сервировочным столиком.
4. Снова Калью, назойливый, как представитель секты «Свидетели Иеговы».
5. Два утренних охранника.
6. Шофер Гена.

Итого девять. Девять человек популярно объяснят следственным органам, что, получив на руки живого Олева Киви, я за довольно непродолжительный срок сделала из него мертвеца. А следственные органы, в свою очередь, быстро выяснят род моих занятий. И назначат мне общественного адвоката из числа скрытых садомазохистов... Ну почему, черт возьми, все представители этой уважаемой профессии кажутся мне садомазохистами?! Адвокат будет настаивать на версии превышения необходимой самообороны. Или на версии помрачения сознания в связи с моей экзотической трудовой деятельностью. Веселенькая перспектива, ничего не скажешь!

А потом в дело подпрягутся две старухи с историей о том, как обвиняемая Сулейменова В.А. покидала дом на Суворовском в состоянии сильного душевного смятения.

Нет, мне не оправдаться. Мне ни за что не оправдаться.

Я укрепилась в этой мысли еще больше, когда на экране телевизора возникла заставка информационного блока. И первой шла сногшибательная новость о том, что сегодня утром в номере гостиницы было найдено тело Олева Киви, виолончелиста с мировым именем. В городе сразу же была введена операция «Перехват» (ха-ха), но по горячим следам задержать преступника не удалось (хи-хи). Следствие рассматривает несколько версий случившегося и уже располагает фотороботом возможной убийцы. Личность убийцы устанавливается.

Фоторобот был довольно удачным: во всяком случае, я сразу же узнала себя в маскарадном прикиде Аллы Кодриной.

Вот теперь действительно все. На то, чтобы вычислить мое местопребывание, им хватит нескольких часов. Не так часто в Питере лишают жизни виолончелистов с мировым именем. Сначала я впала в ступор, потом в неистовство, потом в отчаяние. Потом обнаружила себя перед раскрытым шкафом, судорожно перебирающей тряпки.

Побег. Единственная здравая мысль. Во всяком случае – сейчас.

Но все мое барахло годилось лишь для побега в душевую кабинку после акта. Провокационные платья; микроскопические топики, способные прикрыть разве что половину соска; разнузданные юбки, подол которых сливался в экстазе с линией бедер... Чулки со швами, чулки без швов, целый ящик одноразовых колготок – и белье, белье, белье. Ну вот на кой черт мне понадобилось столько белья?!.

Я нашла то, что искала, на вешалке в прихожей: джинсы, в которых я обычно выносила мусор, и футболку Лешика, которую уже давно собиралась пустить на тряпки. Теперь все остальное: два экспериментальных крема от морщин, скраб, гель, косме...

Нет, косметика, пожалуй, не пригодится.

Я снова зарыдала – и рыдала до тех пор, пока не пришла к компромиссу: из косметики я возьму тушь, помаду и пудру (можно отправляться в неизвестность с абсолютно голой задницей, но голое лицо – это извините!). И крем. Один только крем. Один-единственный.

Затем я выгребла все имеющиеся в наличии деньги; набралась довольно приличная сумма: что-то около двух тысяч баксов. Плюс три сотенные рублевые купюры, которые лежат у меня в сумке...

Вместе с ножом.

Нож нужно выбросить при первой же возможности. В мусорный бак. В Муринский ручей. В Неву, если повезет добраться. Куда угодно. Открыв сумку (последний раз я делала это еще

в гостинице на Крестовском), я извлекла помятый свиток туалетной бумаги и вытащила нож. И так и застыла.

Нож, хранивший в своей глубине все подробности вхождения в тело Олева Киви, был самым необычным ножом, который я видела в своей жизни. Грубо говоря, это был даже не нож, а скорее кинжал. В рукоять, выполненную в виде какого-то цветка, был вправлен внушительных размеров камень. И похоже, что это был не просто камень: все мои внутренности затряслись при виде его сверкающих граней. Камень сильно смахивал на алмаз. Нужно только проконсультироваться с каким-нибудь ювелиром, а вдруг и вправду камень имеет ценность! И если вынуть его и спилить на более мелкие...

Я легонько стукнула себя по скуле: ты офигела, Варвара! Самое время мечтать о ювелирной мастерской!

Костеря себя на все лады, я крепко сжимала нож в руке, не в силах расстаться с ним ни на секунду. Чертов нож вдруг приобрел надо мной странную власть. Даже мужской член по сравнению с этим стальным совершенством терял всякую привлекательность и выглядел ошибкой природы. С трудом оторвавшись от ножа, я снова завернула его в бумагу, потом сунула узкий сверток в носок и положила в сумку. То, что нож будет последним предметом, с которым я расстанусь по доброй воле, теперь не вызывало у меня никаких сомнений.

Это резко снижает мои шансы на спасение... И в то же время, как ни странно, – повышает их. Слишком уж необычная штукавина попала ко мне в руки. Такой не убивают первую попавшуюся жертву, такой вообще не убивают! Эта вещьца может сказать гораздо больше, чем два мертвеца, которых я оставила за собой. А если это действительно алмаз (чем черт не шутит!), то безбедная жизнь мне обеспечена.

Спустя десять минут я была полностью готова: две сумки – маленькая и побольше, одна свободно умещается в другой, – несколько пар белья, прокладки, духи, дезодорант, зубная щетка, паста и мыло.

Набор для бойскаута, мрачно подумала я. Не хватает только сачка, палатки и надувной лодки «Романтика».

Теперь деньги и документы – и на эстонский автобус, пока не поздно. Перекантуюсь пару дней в Таллине, у Димаса с его зоологическим дерьмом, а потом – в безвизовом режиме куда-нибудь в медвежий угол, на греческий остров Идра, например. Найду себе брюхатого аборигена, владельца таверны и ленивого любовника. Трудолюбивые мне ни к чему после стольких лет в Большом Спорте...

Неожиданно у меня заложило уши. Безвизовый режим. «Безвизовый» от слова «виза». А виза – любая виза – должна стоять в заграничном паспорте. Действие же моего заграничного паспорта, выправленного Стасом, закончилось ровно две недели назад... А второй, общегражданский, валялся в паспортном столе, на прописке. И за ним я должна была идти в ближайший вторник. Ну как, как я могла забыть об этом?!!

Никакой Идры. Никакого Таллина. Без паспорта я даже до станции Бологое не доеду, разве что на перекладных. А при каждой электричке есть шайка ментов, которая уже к вечеру будет располагать распечаткой моей физиономии.

Возьми себя в руки, Варвара!

В любом случае оставаться здесь ты не можешь.

Эта простая и безнадежная мысль реяла надо мной, когда я захлопывала дверь своей так недавно приобретенной квартиры. И неизвестно, когда я вернусь сюда. И вернусь ли вообще.

...В метро меня посетила вполне здравая мысль об очередной смене имиджа, и спустя сорок минут я уже входила в знакомый до последнего болта салон «Олеся». Помоечные джинсы и растянутая Лешикова футболка вкупе со страдальчески поднятыми бровями сделали свое дело: Наденька не сразу меня узнала.

– Что это с тобой? – спросила она, когда я устроилась в кресле.

– Постричь, побрить и подеколонить, – плоско сострила я.
– Наконец-то ты начинаешь прозревать! Что, тот хрен отпал? Для которого ты голову изуродовала? – Наденька никогда и ничего не забывала.

– Отпал. Зато появились два новых. Ради них и стараюсь.

Это была почти правда.

– Что будем делать? – Кончики острых ножниц впились в подбородок парикмахерши.

– Я же сказала. Стричься. Только кардинально.

– Налысо? – ужаснулась Наденька.

– Это чересчур. Можешь оставить ежик. Сантиметра два-три.

– Лучше перья. Перья тебе пойдут. А затылок я сниму.

– Хорошо.

Она начала священнодействовать, а я уставилась в экран телевизора, бубнящий за моей спиной. Телевизор отражался в зеркале, но изображения это не портило. И я снова увидела себя – в качестве фоторобота теперь уже в центральных новостях. Наденька повернулась к телевизору, когда мой портрет уже исчез с экрана.

– Слышала? – спросила она. – Убили какого-то музыканта.

– Каждый день кого-то убивают... – Лицо мое вспыхнуло, а по виску поползла предательская капля пота. Я почти физически ощущала ее неторопливый основательный путь.

– Жара, – Наденька походя смахнула каплю с моего лица. – Я тоже плохо переносу. К вечеру еле приползаю. Интересно, почему его убили?

Еще бы не интересно! Мне тоже интересно.

– Бандитские разборки, – высказала предположение я. – Может, он наркотики перевозил. В виолончели.

– А он что, виолончелист? По-моему, об этом ничего не говорили...

Я выматерилась про себя; Стас мертв, но постулаты его кадровой политики живы: проститутка должна раскрывать рот как можно реже. Особенно если это не касается ее профессиональных обязанностей.

Наденька последний раз взмахнула ножницами, отошла от кресла и уставилась на меня. Нет, она слишком глупа, чтобы связать одно с другим. Предел ее возможностей в построении логических цепочек – волосы-ножницы-расческа-оплата-по-курсу-Центробанка.

– Ну? – спросила я. – Получилось?

– Впервые вижу тебя без макияжа, – задумчиво произнесла она. – Очень необычно.

Что ж, у меня теперь все впервые.

Я достала зеленую двадцатку (на большее Наденька не наработала) и вручила ее парикмахерше. Мы расцеловались (почему раньше меня это не раздражало?), и уже у самых дверей салона меня застало сообщение об убийстве главы продюсерской фирмы «Антарес» Стаса Дремова.

* * *

...Приехав в Питер около года назад и сразу же подцепив какого-то таинственного молодого человека, Кайе забралась почти на самую окраину – в дебри проспекта Обуховской Обороны. Последние шесть месяцев мы только перезванивались, теперь же я решила какое-то время перекантоваться у старой подруги. Я не собиралась задерживаться у нее надолго, но несколько дней мне просто необходимы: для того чтобы зализать раны, обдумать ситуацию. И решить: что же мне делать дальше.

Я добиралась до искомого места на нескольких видах транспорта, последним из которых был старый раздолбанный трамвай периода царствования Никиты Сергеевича Хрущева. Вытряхнувшись из трамвая, я поплутала по вполне деревенским зарослям сирени и только

потом наткнулась на довольно оригинальную для Питера постройку: четырехэтажное здание с факелом и раскрытой книгой на фронтоне. Цементные края факела и книги (очевидно, символизировавших торжество советского образования) давно облупились, и из них торчали куски арматуры. Именно здесь (о ужас!), на первом этаже, в коммунальной квартире проживала утонченная Кайе.

– Тэрэ! – поприветствовала я Кайе, когда она открыла дверь.

– Тэрэ-тэрэ, – ответила она, явно обрадовавшись возможности попрактиковаться в родном эстонском.

Несколько секунд мы рассматривали друг друга, а потом бросились друг другу на шею. Мне пришлось изогнуться, чтобы не задеть ее вызывающе округлившийся живот.

– Когда? – спросила я.

– Ruttu...¹⁵ Через месяц.

Кайе приложила палец к губам и провела меня в комнату – первую по коридору. Интересно, с каких это пор Кайе, любительница танцев на столах в голом виде, стала такой деликатной?..

В семнадцатиметровой клетке, которую теперь занимала Кайе, царил образцовый эстонский порядок с налетом такого же образцового эстонского шарма: затейливая керамика, сухие цветы в низких вазах, свечи, пледы, салфетки, шторы, стилизованные под рыбацью сеть. И запах кофе. Не хватает только национального флага за окном и национального гимна на виниловой пластинке.

– Ты изменилась! – Наши реплики прозвучали синхронно, и Кайе рассмеялась. Я бы тоже рассмеялась. В другой ситуации.

– Как твой парень? – спросила я.

– Муж? О! Toredasti!¹⁶

Значит, наша маленькая паршивка с татуированными сиськами угомонилась и даже засвидетельствовала это документально.

– А ты? – осторожно спросила Кайе.

– У меня проблемы.

Она смешно фыркнула и ухватила за ручную кофемолку.

– Пойду сварю кофе, – извиняющимся голосом сказала она и вместе с кофемолкой двинулась к двери.

Я осталась в комнате одна.

Вытянувшись на плече, я прикрыла глаза и вздохнула. Если даже Кайе укажет мне на дверь после дружеского кофепития, ее можно понять. Я – ее лучшая подруга, шесть лет псу под хвост не выкинешь; я носила ей передачи, когда она валялась в больнице после неудачного аборта. Я прикладывала ей на морду свинцовые примочки, когда один пьяный норвежец едва не вышиб ей глаз. Но я – ее прошлое.

Ее постыдное прошлое.

И вряд ли оно понравится ее обожаемому муженьку.

...Когда Кайе вернулась из кухни с подносом, я была готова ко всему. И она это поняла. Аккуратно придерживая рукой живот, Кайе села рядом со мной, нагнула голову и мягко произнесла:

– Что я могу для тебя сделать, Вари?

Господи, как давно меня так не называли!.. Я улыбнулась, взяла чашку и сделала глоток. Умеют же эти эстонцы варить кофе, слов нет!

¹⁵ Скоро (эст.).

¹⁶ Прекрасно (эст.).

– Ничего криминального. В смысле, ничего, что могло бы задеть твоего высококонраченного... мужа...

Слово «муж» в контексте отвязной Кайе прозвучало довольно юмористически.

– Мне нужно где-то перекантоваться пару дней. Ты как?

– А что случилось?

Посвящать женщину на сносях в подробности убийства двух мужиков, один из которых долгое время был ее сутенером, мне не хотелось. И я ограничилась святочной историей о приключениях клиента.

– Достал тут меня один козел. Требуется соития каждые три часа. А у меня месячные. А ему плевать. Сегодня ночью чуть дверь не вынес.

– Тебе нужно бросить это ремесло, Вари, – со страстной убежденностью миссионерки, входящей в приемный покой лепрозория, сказала Кайе.

– Да я вот тоже подумываю... Годы уже не те, и молодая поросль на пятки наступает. Так я могу остаться?

– Конечно. У нас есть кресло... Оно раскладывается. Ты можешь там расположиться. А мне еще нужно сходить в женскую консультацию...

Какая милая дребедень! Женская консультация, надо же! Никогда в жизни я не завидовала Кайе, хотя ее сиськи были намного круче моих, да еще с татуировкой по внешнему кругу. Но теперь... Приходится признать, что теперь я была бы счастлива поменяться с ней местами. И даже носить глупый плод под глупым сердцем. И даже иметь глупого образцового мужа. Интересно, что это за тип, которому удалось в такие короткие сроки приручить Кайе и укротить ее либидо? Наверняка без запасного яйца в кошонке тут не обошлось.

Кайе чмокнула меня в щеку и убежала в свою консультацию. Я осталась одна и приступила к изучению своего нового убежища.

Комната была перегорожена самодельными книжными полками, возвышавшимися до самого потолка. Большую часть пространства (ту, что ближе к двери) занимали супружеское ложе, стол, шкаф и телевизор. В крошечном закутке у окна, который достался мне, располагались: кресло (то самое, о котором говорила Кайе), рабочий стол с лампой и магнитофон.

Не густо.

Я разложила кресло, плюхнулась на него с ногами и сняла с полки первую попавшуюся книгу: «Из китайской лирики восьмого – тринадцатого веков». Но никакого чтения не получилось. Во-первых, шрифт был слишком мелок для моей нетренированной сетчатки (все последние годы я читала только иллюстрированные дамские журналы). Во-вторых, перед глазами у меня все еще стояли мертвый Стас и мертвый Киви. А в-третьих...

Не люблю стихат!

...Когда я проснулась, на супружеской половине горел маленький свет, а в комнате плавали сумерки. Но чертовы белые ночи, к которым за четыре года я так и не смогла привыкнуть, напрочь сбивали башню и лишали ориентации во времени. Вполне может быть, что сейчас полночь. Или два часа. Или вообще – рассвет.

Я была прикрыта пледом, а ботинки, в которых я валялась на хозяйском кресле, были сняты и аккуратно поставлены на пол. Милая Кайе, как тебе идет роль хранительницы дома!

Я уже хотела подняться и выползти из своего укрытия, когда услышала мужской голос.

– Она надолго? – В этом глухом, несколько раздраженном голосе не было никакого намека на гостеприимство. И мне сразу же расхотелось выходить из своего укрытия.

– На несколько дней, Юри... Это моя старая подруга. Очень близкая...

Спасибо, Кайе! Если мне удастся выбраться из этой истории – завалимся на какой-нибудь речной трамвайчик и будем гудеть там всю ночь!

– А почему ты ничего не говорила о ней раньше?

– Она из Таллина. Сейчас у нее неприятности, и она приехала сюда... – Нужно признать, она совсем неплохо лепила горбатого к стене, моя маленькая Кайе.

– Что за неприятности?

А муженек, похоже, зануда!

– Ее друг оказался подонком. Избивал ее... А потом привел каких-то пьянчуг, своих дружков. Они хотели ее изнасиловать.

Неожиданный поворот, Кайе, аплодирую!

Послышался стук ложки о тарелку. Потом муженек Кайе с характерным звуком всосал в себя пищу и отрыгнул.

– Это статья, – строго сказал он. – Завтра же поговорю с ней. Иди сюда, моя девочка...

Что-то грюкнуло, что-то стукнуло, муженек хохотнул, сама Кайе тоже хихикнула, и на мои несчастные уши обрушился целый поток любовной дребедени: мой-малыш-моя-крошка-мой-животик-как-он-там-наш-любимец-скоро-он-выйдет-к-папочке!

Я попыталась накрыть голову подушкой, чтобы не слышать всего этого бреда, но то, что мне пришлось узнать через несколько мгновений...

– Почему ты нахмурился, Юри? – задыхаясь, спросила экс-потаскуха, а ныне любящая жена Кайе. – Ты устал, да?

– Все в порядке.

– Нет, я же вижу... Твоя дурацкая работа, да?

– Все в порядке.

– Да нет же! Расскажи мне, что случилось. Какое-то кошмарное дело?

– Тебе нельзя волноваться.

– Я буду волноваться... Я буду волноваться, если ты мне не расскажешь, Юри!

Кайе умела вить веревки из людей – я хорошо это знала. И ее муж не был исключением. Он еще минуту посопел для приличия, а потом сказал.

– Сегодня убили одного типа. Кстати, он тоже из Таллина. Твой земляк.

Я едва не хлопнулась в обморок. Вот это номер! Высунув язык, примчаться на проспект Обуховской Обороны, чтобы снова получить по башке проклятым Олевом Киви. О-о-е!..

– Олев Киви, музыкальная знаменитость, играл на виолончели. Ты о нем слышала?

– Нет, – безмятежным голосом проворковала Кайе. – Никогда не интересовалась виолончелью. А почему его убили?

– Ну, с этим все просто. Поднял вчера в ресторане какую-то девицу, приволок к себе в номер, видимо, долго куролесили. Чего-то не поделили. Словом, она его зарезала и смылась.

– А что за девица?

– Черт ее знает... Скорее всего, какая-то проститутка. Ее куча народу видела: как клеилась, как заходила, как выходила. Из рук выскользнула, гадина. И орудие преступления с собой унесла, совсем обнаглела!.. Пресс-атташе этого Киви зашел в номер через пять минут после того, как она ушла. А виолончелист уже того... Не дышит.

– Ну, ты ведь все равно ее поймаешь, ми-илый, – в голосе Кайе слышались кровожадные нотки. – Я в тебя так верю!

– Поймать-то поймаю, куда ж я денусь... Вопрос времени, а время в этом случае – сплошная головная боль. Во-первых, он гражданин другого государства. Во-вторых, он знаменитость, по всему миру гастролирует. Бизнесмена замочить – это я еще понимаю, это наше внутреннее дело. Хотим – мочим, хотим – с маслом едим. А вот деятель искусств!.. И все на мою голову. Городское начальство понаехало, требует все и сразу, а у меня звезда на подходе и еще три дела...

– А как вы собираетесь ее искать... как это есть по-русски... женщину легкого поведения?

Кайе, Кайе, неужели это ты?!

Пока я переживала внутреннюю драму, послышался звук поцелуя.

– Найдем, не беспокойся. Описание имеется, так что все остальное дело техники.

– Описание?

– Фоторобот. Хочешь, покажу?

Кайе захлопала в ладоши, а я почувствовала, как все мои оставшиеся волосы синхронно зашевелились и встали дыбом. Муженек Кайе поднялся с заскрипевшего стула, побродил по комнате и чем-то щелкнул – скорее всего портфельными замками. Я мелко затряслась и сунула в рот кулак – только бы не закричать!..

Вот он, мой приговор!

Сейчас он вытащит кусок дерьмовой ксерокопии, сунет его под нос своей жене, и Кайе тотчас же узнает меня... Дудки, Кайе, ты будешь молчать, ты не такая дура, ты должна понимать, что если ты сдашь меня, то я сдам тебя, и еще неизвестно, что будет убийственнее!..

Муженек-оборотень рылся в портфеле чуть дольше, чем я предполагала, а потом послышался его растерянный голос:

– Фу, черт, забыл... Ну, ничего, завтра принесу.

Я откинулась на подушку и нервно зевнула.

– Вечно ты все забываешь, Юри! Самое интересное – и забываешь!..

– Ну, не сердись, моя прелесть, моя маленькая эстимочка! Хочешь, покажу тебе, как котик фыркает?

Твою мать! Так и знала, что нет ничего тупоумнее двух супругов, очумевших друг от друга! Спустя полчаса я и сама очумела, прослушав от начала до конца радиоспектакль за книжными полками. Ментяра Юри (ну и муженька ты себе надыбала, Кайе Таммика или как там тебя теперь?) фыркал котом, квакал лягушкой, ухал совой, затем принялся изображать какое-то сумчатое и в заключение пустил петуха.

После всего этого безобразия они наконец-то утомонились, разобрали диван и выключили свет. А спустя некоторое время я услышала задумчивый голос Кайе.

– Как ты думаешь, Юри, почему она его убила?

– Кто?

– Эта женщина. Того музыканта.

– Откуда же я знаю?

– Может, он плохо с ней обращался? Заставлял делать какие-нибудь не очень хорошие вещи? Может быть, он сам хотел ее убить, и она просто защищалась?

Слава богу, Кайе, хоть немного цеховой солидарности!

– Ага! – желчно оборвал жену Юри. – Защищалась, держи карман шире! Все они одно и то же лепечут, чертовы проститутки! Собственноручно бы их расстреливал! С порядочной женщиной такого случиться не может, девочка моя. И вообще, не нравится мне, что ты принимаешь всю эту грязь близко к сердцу. Ты не должна об этом думать, ты у меня самая хорошая, самая любимая...

После этого непорочная Кайе и ее суровый милицейский муж еще немного почмокались и затихли окончательно. Счастливицы.

Выждав контрольные полчаса, я аккуратно спустила ноги с кресла и сунула их в ботинки. Счастье еще, что сумка с орудием преступления стояла рядом! Я подхватила ее, тихонько поднялась и подошла к окну. Первый этаж, и никаких решеток.

До свиданья, Кайе!..

* * *

С «Бронепоездом 14–69» мне повезло больше...

Именно этот ночной кабак я оставила на сладкое – на тот случай, если Кайе откажет мне в пристанище и наступит время «Ч». Теперь это время наступило.

В «Бронепоезде», специализировавшемся на мужском стриптизе, заправляла еще одна моя таллинская подружка – Монтесума-Чоколатль. Я была одной из немногих, кто мог называть ее так. В миру Монтесума откликалась на имя Каринэ Суреновна и была преуспевающей бизнес-леди. Способности к бизнесу открылись у нее совершенно случайно, после того, как к ней в койку (тоже совершенно случайно) попал какой-то впечатлительный престарелый швед с непроизносимым именем и такой же непроизносимой фамилией. Монтесума покорила шведа своим восточным темпераментом, и он, не выходя из номера, предложил ей руку и сердце. И лесопилку в окрестностях Треллеборга в придачу. Монтесума оказалась девушкой сообразительной, быстро разобралась в деревообработке и организовала при лесопилке маленькую фабрику по изготовлению деревянной мебели на экспорт. Спустя два года маленькая фабрика превратилась в крупное производство, а швед, не выдержавший такого бешеного темпа работы, отправился к праотцам.

Монтесума, скучавшая по исторической родине, наладила поставки мебели в Питер, а потом и сама перебралась поближе к русскому языку. Умудрившись при этом сохранить шведское гражданство. «Бронепоезд 14–69» был ее любимым детищем, гораздо более любимым, чем три мебельных салона, которыми она владела. В конце концов, «Бронепоезд» тоже имел отношение к «дереву» – именно так нажравшаяся в свое время дерьма Монтесума именовала мужчин. «Дерево» и «членоподобное» – были для нее исчерпывающими характеристиками мужского пола.

...Сегодня за стойкой дежурил племенной жеребец Акоп, дальний родственник Монтесумы, выписанный из Еревана. Я заказала мартини со льдом и несколько минут в тупом недоумении взидала на толпу распаренных баб, сдирающих плавки с очередного культуриста.

– Каринэ здесь? – спросила я у Акопа, допив свой мартини.

Акоп кивнул и приветливо ощерился, обнажив безупречные, отполированные виноградной лозой зубы.

– Позвать?

– Будь любезен.

Он протянул мне еще одну порцию мартини (за счет заведения) и нажал на кнопку.

Монтесума появилась через три минуты и – так же, как и Наденька, не сразу узнала меня. Хороший знак.

Мы расцеловались, и она потащила меня к себе в кабинет. Образцово-показательный кабинет в урбанистическом стиле, над дверями которого можно было бы смело повесить плакат: **«ЖЕНЩИНЫ! БЕРИТЕСЬ НЕ ЗА ЧЛЕН, А ЗА УМ. И ВСЁ У ВАС ПОЛУЧИТСЯ!»**

Монтесума усадила меня в кресло и устроилась напротив со стаканом минералки в руках.

– Ты наконец-то *это* бросила, – удовлетворенно сказала она, ощупав меня с ног до головы. – Бросила или нет?

– Почти.

– Хочешь поработать на меня? Больших денег не обещаю... Поначалу.

Она предложила мне работу впервые. Забавно.

– Боюсь, ничего не выйдет, – я постучала себя по лбу и развела руками. – Для мебельного производства я не гожусь. Мозги не из того материала. Стружка-с. ДСП. А в «Бронепоезде» у тебя одни мальчики.

– Ну, насчет мозгов я бы не торопилась. Слушай, а эта стрижка тебе идет. Сама додумалась?

– Сама.

– Мои поздравления... Как Стас? Не подох еще?

Монтесума ненавидела Стасевича так, как только может ненавидеть сутенера шлюха, вырвавшаяся из-под его опеки. Ненавидела искренне, яростно и восторженно.

– Подох, – честно призналась я, и Монтесума рассмеялась бархатным восточным смехом: она оценила шутку.

– Вот видишь, для тебя он тоже умер. Это радует. Ну так что, будем подписывать контракт?

– Не сейчас... У меня маленькая проблема, Монти.

– Сколько? – Каринэ Суреновна действительно стала деловой женщиной.

– Дело не в деньгах, а в обстоятельствах. Ты мудрая баба и наверняка что-нибудь мне посоветуешь.

– Попытаюсь.

– Собственно, это даже не моя проблема, – я тут же дала задний ход. – Это проблема одной моей... приятельницы.

– Она работает на Стаса? – Монтесума видела меня насквозь.

– В некотором роде. Так вот, с ней случилась большая неприятность. Один ее клиент... – Я набрала в легкие воздуха, вытянула руки по швам и сиганула в бездну: – Один ее клиент заснул и не проснулся.

– Остановка сердца?

– Можно сказать и так. Ему воткнули нож в грудь.

– А куда же смотрела твоя приятельница? – Монтесума раздула ноздри.

– В противоположную сторону. Она любит спать на правом боку.

– То есть ты хочешь сказать, что она легла в койку с любовником, а проснулась с трупом?

– Ну да! Все видели, как они... – Я перевела дыхание. – Приятельница и ее клиент... Как они входили в номер. Все видели, как она оттуда выходила. Уже одна.

– А труп остался лежать?

– Ну, не могла же она унести его в ридикюле, правда? И в карман он не влезал... Словом, теперь девчонка подозревается в убийстве.

Монтесума откинулась на спинку кресла и опустила ресницы.

– На ее месте я наняла бы себе хорошего адвоката, – сказала наконец она. – Или унесла бы ноги из страны. Куда подальше и пока не поздно.

– Исключено, – я грустно качнула подбородком.

– А башка у нее варит? – цинично спросила Монтесума. – Если варит – пусть найдет себе лоха из ментов. Убедит в своей невинности... Подмахнет получше, если так уж необходимо.

– Зачем?

– А ты не понимаешь? Чтобы перестать считаться убийцей, нужно найти того, кто действительно убил, – Монтесума наставительно подняла палец. – А вообще, пришли ее ко мне, ненавижу истории из третьих рук...

– Отлично, – резюмировала я, хотя ничего отличного в этом не было. – Я передам ей...

Выбросив из кресла свое точеное тело, Монтесума подошла к противоположной от нас стене и аккуратно приподняла шторку, задекорированную под гобелен. За шторкой открылось окошко в зал (я догадывалась, что из зала окошко смотрится самым невинным зеркалом).

– Мое новое приобретение, – надменно сказала Монтесума, кивнув подбородком в сторону того самого стриптизера-культуриста, которого осаждала толпа бабцов. За бесстыжие плавки стриптизера были заткнуты купюры.

– Очень миленький, – только и смогла выговорить я.

– Знаешь, где они у меня? Вот здесь, – она сжала кулак. – По струнке ходят. Я с них по три шкуры сдираю. Думаю открыть небольшой бордельеро. Для богатых клиенток. Хочешь этим заняться? У тебя получится.

Я разинула варежку. Бедняга Монтесума-Чоколатль! Несколько лет, проведенных в вольере у Стасевича, сделали ее мужененавистницей. Я нисколько не удивлюсь, если узнаю, что Монтесума сечет своих культуристов розгами. И заставляет хором скандировать лозунг «Все мужчины – козлы!».

– Так как? Возьмешься?

– Нужно подумать... – Чем я точно никогда не буду заниматься в жизни, так это организацией «бордельеро»!

– Подумай. Может, хочешь какого-нибудь мальчика?

– Что, прямо сейчас?

Монтесума расхохоталась.

– Конечно. Есть великолепные экземпляры, выполняют любые фантазии, даже самые запредельные. Тебе это ничего не будет стоить. Все расходы за счет заведения.

– Не сегодня, Монти. Не то настроение...

– Ну, смотри...

... Через полчаса Монтесума укатила домой, а я осталась в кабаке – предаваться горестным мыслям о своей горестной судьбе. Возможно, я допустила ошибку, не открывшись Монтесуме до конца. Я не учла, что почти всемогущая Каринэ Суреновна *всегда примет сторону женщины*, что бы эта женщина ни совершила. Ради торжества женщины над мужчиной Монтесума готова лжесвидетельствовать, врать, путать следы и идти на любой риск. А тащить за собой еще и ее мне не хотелось. Я слишком нежно относилась к ней.

Да что там, я ее любила! Так же, как и отступницу Кайе, как и всех других наших несчастных подружек, с которыми мы хлебали дерьмо и сперму столовыми ложками.

И я не имею права... Не имею права...

Хотя нет, если мне станет совсем уж худо, если меня обложат флажками и не оставят выбора, я, конечно, попрошу у Монтесумы политического убежища. И она мне не откажет.

Эта мысль немного успокоила меня, дала точку отсчета. И я принялась размышлять над ее вскользь брошенными словами: «*Чтобы перестать считаться убийцей, нужно найти того, кто действительно убил*». И чем больше я думала о них, тем более пророческими они мне казались. Вот только с какого конца к ним подойти?

Я заказала у Акопа еще мартини и попыталась уложить в голове события последней недели. Конечно, моя глупая голова была не самым лучшим местом для каких-либо мыслей, кроме мыслей об оптимальной длине ногтей.

Но попытаться стоило.

Чтобы облегчить себе задачу, я вытащила из сумки ресторанный салфетку с фасоном так понравившегося мне платья, перевернула ее на другую сторону и щелкнула шариковой ручкой. И вывела два имени: «СТАС» и «ОЛЕВ КИВИ».

К этим мертвым деятелям у меня имелась масса вопросов, и я изложила их письменно.

1. Зачем Стасу понадобился Олев Киви?
2. Откуда ему стали известны такие подробности о личной жизни Киви?
3. Почему он был уверен, что Киви клюнет на женщину, отдаленно напоминающую его жену?
4. Почему он выбрал именно меня?
5. Знал ли он, что Олева Киви должны убить?
6. Знал ли он, что ему самому угрожает опасность?
7. Если я не убивала Олева Киви, то кто его убил?
8. Как убийца мог проникнуть в закрытую гостиницу VIP-класса и как выбрался оттуда, не вызывая ничьих подозрений?
9. Кому была необходима смерть Олева Киви?
10. Кому была выгодна смерть Олева Киви?

11. Почему Олева Киви не просто убили, а закололи таким необычным ножом?

12. Алмаз в рукоятке ножа – настоящий или нет?

Секунду подумав, я решила, что этот вопрос не относится к существу дела. И продолжила дальше.

13. Почему убили Олева Киви и не тронули меня?

14. Если нож – не просто орудие убийства, а знак, то знак чего?

15. Что случилось с женой Олева Киви?

Поставив последнюю точку, я почувствовала себя опустошенной. Ни на один из вопросов не было ответа. А если они и были, то находились за гранью моего понимания.

Ну почему я такая дура? Почему, вместо того чтобы пойти на юридический или в школу милиции на худой конец, я пригласилась на должности потаскухи и только то и делала, что раздвигала ноги?..

Может быть, действительно, плюнуть на все и дождаться утреннего обхода Монтесумы? Бухнуться ей в ноги и попросить, чтобы меня переправили в Швецию в каком-нибудь из комодных ящиков? Этот орешек мне не по зубам, я не знаю, что делать – ни с первым вопросом, ни с пятнадцатым.

Ни с пятнадцатым.

В память о нем у меня останется фотокарточка Аллы Кодриной периода мартовских теней в Кронштадте...

Неожиданно в куцем лабиринте моих затопленных алкоголем мозгов мелькнула какая-то мысль. Я собрала в кулак остатки воли и ухватилась за нее. Мысль была проста, как резиновая кукла, и в то же время гениальна, как вибратор. Настолько проста и гениальна, что я рассмеялась и подмигнула скучающему бармену Акопу.

Алла Кодрина.

Кое-кто наверняка знает, что с ней произошло, и этот «кое-кто» оставил мне свою визитку. Журналистский отброс Сергей Синенко порывался рассказать мне какую-то душевраздирающую историю о покойнице. Он и рассказал бы, если бы не подскочивший к столику Олев Киви. Он и расскажет, если я его об этом попрошу. Нужно только выбрать подходящую форму просьбы.

Сергуня наверняка уже в курсе происшедшего в гостинице, в этом заключается смысл его профессии: кружить над падалью и отщипывать от нее лакомые куски. И мне плевать, что он в курсе, мне это даже на руку. Невинная убийца, пришедшая искать помощи у репортера, – да он удавится только за один намек на подобный сюжет! Эксклюзивное интервью в обмен на информацию, почему бы и нет?

Я воспрянула духом.

Может быть, это и не самый верный, но единственный путь. Если я узнаю, как и почему умерла Алла Кодрина, если получу ответ на пятнадцатый вопрос, то, возможно, получу ответ и на остальные.

Я достала мятую визитку Синенко (просто счастье, что она не потерялась и выжила во всех перипетиях вчерашнего дня!) и внимательно изучила ее содержимое. «*Петербургская Аномалия*». Отдел расследований. Сергей Синенко. Спецкор». Далее следовал рабочий телефон, который я проигнорировала по причине слишком раннего утра. И адрес, скорее всего, домашний. Адрес выглядел странно. Настолько странно, что мне пришлось перечитать его несколько раз.

«КАНОНЕРСКИЙ О-В. Д. 5. КВ. 96».

И все. Никакого намека на улицу.

Я и понятия не имела, где находится Канонерский остров, но надеялась, что расположен он в черте города, а не у берегов Финляндии. Чтобы немедленно убедиться в этом, я попросила у Акопа карту. Спустя двадцать минут карта нашлась у кого-то из стриптизеров, и я углубилась

в ее изучение. Канонерский остров действительно существовал – в контексте Морского торгового порта, – но никаких признаков строений на нем не было. К острову вела узкая полоска, под которой стояла надпись «тоннель».

Что ж, отлично. Это и послужит мне ориентиром.

...Когда я вышла из «Бронепоезда», утреннее солнце уже всюю плавило Петербург. Добравшись до ближайшей станции метро, я скупилла все ежедневные газеты, включая «Петербургскую Аномалию», и устроилась с ними на лавочке возле ларьков.

Отображенная в газетных строках действительность превзошла все самые худшие мои ожидания. Заголовки – один безыскуснее другого – терзали мое и без того истерзанное сердце: «Трагедия на Крестовском», «Убит известный виолончелист», «Последняя гастроль Олева Киви», «Реквием по Артисту» и прочая лабуда. События трактовались именно так, как подал их милицейский муж Кайе: неизвестная женщина (в цивилизных газетах я выступала в роли обезумевшей от страсти поклонницы, а в желтой прессе, как и положено, в роли «девушки на ночь») покинула номер Олева Киви в 11.45 утра. А в 11.55 пресс-секретарем музыканта Калью Куллемяэ было найдено тело. Ведется следствие и поиск преступницы. Правоохранительные органы рассматривают несколько версий, основная из которых – убийство на бытовой почве.

Интересно, что значит «на бытовой почве»? Общего хозяйства мы с Олевом Киви никогда не вели.

Далее шли пугающие своей деловитостью сообщения о том, что дело взято под контроль губернатора. Реакция музыкальной общественности. Реакция творческой интеллигенции. Реакция эстонского консульства. Волны праведного гнева, выплеснувшиеся на страницы газет, накрыли меня с головой.

Ату ее, ату, эту безответственную суку, отнявшую у широких народных масс золотую виолончель!..

Прочитав газеты от корки до корки, я обнаружила, что в связи с событиями на Крестовском убийство на Суворовском отошло в тень: одна смерть поглотила другую. Стас Дремов удостоился всего лишь нескольких строк мелким петитом в криминальной хронике, наряду с ДТП на улице Солдата Корзуна и поджогом жилого дома в Тосненском районе. Убийство директора продюсерской фирмы «Антарес» Станислава Дремова связывали с профессиональной деятельностью бизнесмена.

Хоть на этом спасибо.

Я выбросила газеты в урну и приступила к изучению «Петербургской Аномалии». «Аномалия» выходила раз в неделю, номер был подписан в набор вчерашней ночью, и именно поэтому сообщение о смерти Олева Киви в него не попало. Зато на второй странице, в рубрике «Звездный фарш», я нашла свою собственную отвратительного качества фотографию, исподтишка сделанную Сергуней в туалете «Европы». Я была снята в пол-оборота, верхняя часть лица искажена, нижняя – смазана. К тому же в фотографической версии Синенко я оказалась вымороченной яйцеголовой дамочкой. Под фотографией была напечатана заметка «В постели с виолончелью».

Как я и предполагала.

Начало заметки оказалось довольно забавным: «Маэстро Олев Киви, год назад потерявший жену (об этом «ПАН» уже сообщала нашим читателям), наконец-то снимает траур. Вчера он прибыл в Санкт-Петербург с гастрольным туром и в тот же вечер был замечен нашим корреспондентом в ресторане отеля «Европа» в обществе молодой женщины. Маэстро скрывает имя своей новой избранницы, известно лишь, что она предпочитает черную помаду и мускат «Миральва»...»

Куррат!

Я так и не смогла дочитать всю эту патетическую хренотень до конца. Зато теперь точно знала, как будет называться следующий опус беспокойного, как сливной бачок, «нашего корреспондента».

«В постели с убийцей».

«Петербургская Аномалия» отправилась туда, где ей и было самое место: в заплыванную, загаженную, истыканную окурками урну. Я поднялась с лавочки, осторожно обогнула скучающего у цветочной палатки мента и подошла к широкой витрине магазина «Петербургская старина». И показала своему отражению средний палец.

Короткая стрижка, солнцезащитные очки на челке, бандана на левом запястье, разгильдяйская футболка, затасканные джинсы; ботинки армейского образца – созданные только для того, чтобы покорять в них Монблан, но никак не вдовцов-виолончелистов. Ничего общего с той «женщиной в красном», которая выползла вчера днем из номера Олева Киви.

Я никогда не пользовалась черной губной помадой. Я никогда не носила красных платьев. Я никогда не стриглась под пажа. Я и слыхом не слыхивала об испанском мускате «Миральва». И глаза у меня не карие, а зеленые. Так что довольствуйтесь контактными линзами, которые я оставила вам на растерзание. И нигде не засвеченными отпечатками пальцев...

На этом месте своей программной речью я покачнулась и едва не потеряла сознание. И с трудом удержалась, чтобы не прошибить своим недалеким, тугоплавким, чугунным лбом витрину «Петербургской старины».

Отпечатки. Они-то... Они-то как раз и засвечены!

Шесть лет назад... Да, ровно шесть лет назад, почти день в день, вернее, ночь в ночь, мы с Монтесумой-Чоколатль были повязаны озверевшей таллинской POLITSEI¹⁷ как антисоциальный элемент, представляющий угрозу для душевного и физического здоровья эстонской нации. Обычно на подобный «антисоциальный элемент» смотрели сквозь пальцы. Но мы с экзотической Монтесумой были русскоязычными потаскухами и, следовательно, кастой неприкасаемых. Монтесума, со свойственным ей восточным темпераментом, немедленно вступила в бурную дискуссию с POLITSEI, перешедшую в такую же бурную потасовку.

Нас препроводили в префектуру, где не-гражданка Эстонской Республики Каринэ Суреновна Арзуманян тотчас же принялась изысканно хамить полицейскому комиссару.

– У вас случайно не работают родственники сенатора Маккарти, господин комиссар?

– С чего вы взяли? – Плотный пожилой комиссар, в отличие от своих парней, был настроен довольно благодушно.

– Говорят, сенатор в конце жизни поехал мозгами и выбросился из окна с криком «Русские идут!»...

Я посмотрела на Монтесуму-Чоколатль с немым обожанием, хотя и не поняла смысла ее издевки. Зато ее хорошо понял комиссар. С нас сняли отпечатки пальцев и только после этого с большим скрипом выпустили из каталажки. Через два дня я благополучно забыла об этом, чтобы теперь, спустя шесть лет, у витрины антикварного магазина «Петербургская старина» – вспомнить.

О, если бы Олев Киви был гражданином какой-нибудь другой страны!

Но он был эстонцем, и они обязательно начнут «отрабатывать эстонский след», как любят выражаться в крутых боевиках. И выйдут на меня, Варвару Андреевну Сулейменову, род занятий – прочерк... Последнее место работы – продюсерская фирма «Антарес». Та самая, главу которой замочили самым недвусмысленным образом. И – по странному стечению обстоятельств – Варвара Андреевна и здесь ошивалась поблизости. Они вобьют себе в голову, что завязку кровавой драмы нужно искать в Таллине, начнут тягать брата Димаса, начнут тягать Монтесуму...

¹⁷ Полицией (эст.).

Монтесуму, подтолкнувшую меня к скользкой и почти непроходимой тропе: «*Чтобы перестать считаться убийцей, нужно найти того, кто действительно убил*». Никакого света в конце тоннеля. Хорошо, что хоть тоннель есть.

Еще раз взглянув на свое отражение, я отошла от витрины и направилась в сторону проезжей части.

Только третий по счету водила оказался знатоком города и на неопределенную просьбу подвезти меня к тоннелю у Морского порта ответил согласием. Мы протряслись до Адмиралтейских верфей, свернули с Фонтанки на умирающий Рижский и плавно вкатились в зону порта: набор глухих административных зданий вперемежку со складами и пакгаузами. Единственным светлым пятном оказалась гостиница плавсостава с припаркованными к ней частными такси. Если бы я была начинающей шлюхой, я бы обязательно попыталась счастья в этом месте.

С детства обожаю моряков.

Но полностью отдаться мечтам мне не удалось. Водила промахнул еще одну улицу – со странным обилием самых настоящих негров в бейсболках – и через сотню метров вопросительно посмотрел на меня.

– Приехали, девушка. Тоннель.

– А через тоннель нельзя?

– Можно. А что вам нужно-то?

– Канонерский остров.

– За тоннелем как раз и будет Канонерский.

– А там есть жилые дома?

Водила пожал плечами и ничего не ответил.

– Ладно, вы меня перекиньте через тоннель. А дальше я сама...

Я отпустила галантный «Москвичок» на небольшой площади, упирающейся лбом в залив. В затылок площади дышала тихая заводь, обильно сдобренная буксирами, кранами и мазутными пятнами. А прямо передо мной свечкой стоял девятиэтажный дом. Спустя минуту я уже вела задушевный разговор с живописной группой из трех хануриков.

– Это какая улица, господа? – вежливо спросила я, прижимая к локтю сумку с двумя тоннами баксов.

– Это не улица. Это Канонерский, – пояснили мне. – На Канонерском улиц нет, только дома.

Улиц нет, только дома. Очень по-русски.

– А какой тебе нужен?...

– Номер пять.

– Тогда иди на конец. Не ошибешься. – И ханурики синхронно замахали руками в сторону нескольких высотных домов, прилепившихся к горизонту.

Двусмысленное выражение «иди на конец» заставило меня поморщиться. Утешало только то, что задроченная визитка Сергея Синенко не соврала. Я последовала совету хануриков и свернула на зеленую аллею, облепленную трехэтажными коробками барачного типа. Но на них можно было и не смотреть. А смотреть можно (и даже нужно) было на противоположную сторону аллеи, где располагался рукав Морского порта. По нему запросто перемещались сухогрузы, лесовозы и прочие прекрасные чудовища под самыми разными флагами. Если бы я была начинающей шлюхой...

Боже, если бы я только была начинающей шлюхой!

...Дом номер пять – один из четырех высотных домов – оказался самым близким к заливу. Я вошла в его единственный подъезд, едва не поскользнулась на чьей-то блевотине и юркнула в лифт. Пока лифт, скрипя и охая, нес меня к небесам, я произвела несложные (даже

для меня) математические расчеты и пришла к выводу, что квартира Сергея Синенко должна находиться на самом верхнем – шестнадцатом – этаже.

Так оно и оказалось.

Табличка с номером «9б» была прикреплена к самой обшарпанной двери на лестничной площадке, а на дверном косяке красовалась надпись «*ТЯП-ОСЕМЕНИТЕЛЬ*».

Ну вот, еще один натруженный пестик, подумала я и нажала кнопку звонка.

* * *

... Сергей Синенко явился передо мной в мятых сатиновых трусах и футболке с мультипликационными изображениями трахающихся зверюшек.

– Привет, – сказала я, внимательно рассматривая подробности коитуса двух кенгуру. – Тяп-осеменитель?

– Не понял?

Вместо ответа я протянула Сергуню его визитку.

Визитку он признал сразу же, но со мной все обстояло сложнее. Он силился вспомнить меня – и не мог. Что ж, еще одно очко в мою пользу.

– Так и будем стоять в дверях? – подстегнула я репортера.

– Проходите.

Не дожидаясь, пока я захлопну за собой дверь, Сергуня побрел на кухню, на ходу подтягивая сползающие трусы. Мне ничего не оставалось, как последовать за ним.

Кухня была точной копией своего хозяина: худосочная и бледненькая, с традиционным наличием тараканов и – почему-то – кошачьего корма в самых разных его интерпретациях. От галет до баночного мяса. Сергуня вывалил в миску, стоящую возле мусорного ведра, светло-зеленые сухари, устроился на колченогом табурете и громко позвал:

– Иди сюда!

– Я уже здесь, Сергей.

– Да нет, не вы. Иди сюда.

– ??.

– Иди сюда! – сумасшедший репортер все еще не хотел угомониться. – Идисяуда!

Я услышала мяуканье, а спустя мгновение между ног у меня проскочил облезлый кот, бывший в свои лучшие времена ангорским.

– Кушай, Идисяуда, голубчик, – проворковал Сергуня. – Кушай, маленький!

– Как его зовут? – спросила я.

– Его зовут Идисяуда, – со мной можно было и не церемониться, не то что с котом. – А вы кто такая?

– Я по поводу конфиденциальной информации.

Бледная поганка от журналистики сразу же оживилась и энергично почесала в паху.

– Ага. Продажа детских органов в Румынию?

– Не совсем.

– Педофилия среди чиновников районных администраций?

– Нет.

– Крысы-мутанты на станциях метро? Семья каннибалов из Сертолова? Зарезали и съели агента по продаже загородной недвижимости?..

– Опять не то.

Эдак он перечислит все темы, волнующие буйнопомешанных из «Петербургской Аномалии»!

– Подождите... Когда я дал вам свою визитку?

– Позавчера. В дамском ватерклозете. Отель «Европа». Вы там ошивались целый вечер.

Сергуня переменялся в лице. Он ощупал меня глазами, мысленно прикинул, как бы я выглядела в макияже и красном платье, поменял цвет глаз, поменял длину волос – и, кажется, вспомнил.

– Это... вы?!

Я коротко кивнула головой.

Его тело изогнулось дугой, как у эпилептика, а правая рука самопроизвольно и совершенно независимо от хозяина потянулась к хлипкому, обмотанному изолентой телефону.

– Не сейчас, – отрезала я.

– Ага. Понимаю.

Он метнулся в комнату и тотчас же вернулся снова: я даже не успела наподдать по тощему задку коту Идисюда. Теперь в руках Синенко был зажат диктофон (тоже перетянутый изолентой), а на груди висел уже знакомый мне фотоаппарат. Диктофон был тотчас же водружен на стол и включен.

– Ну, рассказывайте, – севшим голосом пробормотал репортер.

– О чем?

– О том, как вы убили Олева Киви. Вы ведь за этим пришли сюда? Чтобы сделать признание, правда?

– Признание?!

– Хорошо, что вы обратились к независимому журналисту, а не сдались властям... Что заставило вас совершить это убийство? Быть может, это старые счеты? Или вы действовали в состоянии аффекта?..

Если сейчас не остановить его, то он утонет в потоках собственного красноречия.

Я подняла руку, давая понять Сергуню, чтобы он заткнулся. Сергуня понял меня с полуслова и захлопнул пасть. Я взяла диктофон и повертела его в руках.

– Куда говорить?

– Да все равно куда...

– Хорошо.

Диктофон довольно миленько потрескивал и, судя по всему, готов был в любой момент сожрать пленку. Поднеся его к лицу, я медленно произнесла:

– Я, Варвара Андреевна Сулейменова...

Глаза Синенко назойливо лезли из орбит, язык вывалился и прямо на моих глазах покрылся белой коркой – совсем как у бешеной собаки, которая два года назад едва не покусила Стаса Дремова.

– ...находясь в здравом уме и трезвой памяти, официально заявляю...

Теперь долбаный репортеришка прерывисто дышал, с шумом выталкивая воздух из застоявшихся легких. А рука его, предоставленная сама себе, вдруг начала совершать возвратно-поступательные движения в области... Известно какой области. Черт возьми, еще несколько секунд – и он кончит! Как же я ненавижу раннюю эякуляцию!..

Чтобы не допустить подобного развития событий, я еще ближе придвинулась к диктофону и гаркнула:

– ...официально заявляю: Я НИКОГО НЕ УБИВАЛА!!!!!!!

Лицо Синенко исказилось и побелело как полотно. А потом пошло пятнами: еще бы, я обломила его, я оказалась самой последней динамисткой.

– То есть как «не убивала»?

– А вот так. Не убивала, и все.

– Этого не может быть...

– Может. Если ты заткнешь свой фонтан, то я постараюсь объяснить.

Но мои воззвания все еще не доходили до Синенко.

– Вы должны были его убить, – он ставил ударения на каждом слове. – Вы не могли не убить его! Я был там. Я был там вчера весь день. Если вы опасаетесь чего-то...

Чего я действительно опасуюсь, так это дубиноголовых репортеров.

– Я не убивала.

– А я разговаривал с очевидцами, – прогундосил он и принялся загибать пальцы. – Во-первых, его пресс-секретарь. Вы же сказали ему, что Олев Киви выйдет через несколько минут. Хотя и знали, что он мертв. Зачем вы скрыли, что он мертв, если были не виноваты?!

– А что бы ты сделал на моем месте, если бы проснулся и увидел рядом с собой мертвую тушу?!

Глупый вопрос. Я прекрасно знала, как поступил бы этот фанатик: для начала он отщелкал бы целую пленку с волнующим изображением трупа, затем позвонил бы в редакцию и тезисно изложил происшедшее. И принялся бы надиктовывать статью на свой диктофон...

Сдаваться Сергуня не хотел.

– Вас видела охрана. Вечером, когда вы приехали вдвоем. И утром, когда вы уезжали одна. Что скажете?

– Ну, этого я не отрицаю.

– Потом. Покойный заказал в номер легкий ужин. Официант, который этот ужин принес, тоже заметил женщину. И довольно точно ее описал. Описание полностью совпало с описанием секьюрити.

– Я же сказала: я там была. Естественно, что все меня видели...

– Едем дальше! В гостинице было не так много народу. И никаких посторонних.

– А если кто-то проник с улицы... Я не помню точно, но, по-моему, окна оставались открытыми.

– Исключено! – Сергуня радостно хохотнул. – Во-первых, территория гостиницы охраняется. Во-вторых, по ее периметру установлены видеочамеры. Там и муха не проскочит. Еще раз вам говорю: в ту ночь в гостинице посторонних не было. Кроме вас.

– Значит, нужно искать убийцу среди персонала. Или среди постояльцев.

Репортер с сожалением посмотрел на меня и постучал пальцем по лбу.

– Персонал прошел тщательный отбор. Постояльцы – уважаемые люди. Некоторые – с довольно известными именами. А вы кто?

Действительно, кто я такая?

Я молчала, и Сергуня решил добить меня окончательно.

– Я сам видел вас в ресторане. Вы пасли Олева Киви, это же как два пальца об асфальт. В тот вечер у вас была другая прическа и другой цвет глаз. Я прав?

Я молчала.

– Кстати, в ванной номера были найдены цветные контактные линзы.

– А с чего ты взял, что они мои?

– А чьи? Зачем Олеву Киви менять цвет глаз?!

Убийственный аргумент.

– Если вы не виноваты, то зачем изменили внешность? – Сергуня осторожно приблизился и положил руку мне на плечо. – А сколько раз вы ее вообще меняли?

И я не выдержала. Из глаз полезли предательские слезы; сейчас размажется тушь и поплывут тени. Инстинктивно проведя пальцем под глазами, я вспомнила, что макияжа-то на мне и нет. Со вчерашнего дня. Впервые за много лет я не привела физиономию в боевую готовность.

– Ну, успокойтесь, – в голосе репортера послышались покровительственные нотки. – Успокойтесь и расскажите мне, что произошло на самом деле. Почему вы убили его?

Как невинная жертва обстоятельств я интересую маньяка-журналигу меньше всего. Он и пальцем не пошевелит, чтобы помочь запутавшейся в смертях идиотке. А вот как убийца...

Да еще убийца популярного человека! С кровавой тайной, с неясными мотивами – о, какой сюжет можно на этом построить! Какую книгу написать! Интересно, он никогда не думал о книге?..

Для убийцы, которая сама явилась к нему, этот извращенец наизнанку вывернется. Он все для меня сделает, чтобы получить эксклюзивный материал и раздуть сенсацию, о которой забудут через день, как забывают об использованных презервативах.

Да, он все для меня сделает. Именно так.

Я выключила бесполезно крутящийся диктофон и хмуро бросила:

– Это долгая история.

– Ничего, у меня есть время. У меня вагон времени.

– Ты pomoжешь мне?

– Конечно!

Синенко раздулся от гордости, полез в навесной шкафчик и вытащил оттуда пузатую бутылку в плетенке.

– Это еще что? – удивленно спросила я.

– Кьянти. Все женщины-убийцы, тем более такие крутые, предпочитают качественные вина... Я прав?

Похоже, он еще больший кретин, чем мне показалось на первый взгляд.

– А водка у тебя есть?

Это шло вразрез с досужими представлениями писака о «женщинах-убийцах», он недовольно поморщился, но водку все-таки достал.

– Здесь будем пить? – спросила я.

– Можно в комнате...

Комната Сергуни, так же как и кухня, являлась продолжением безалаберного хозяина: сермяжная простота обстановки, минимум вещей и почти непролазная грязь. Должно быть, он не убирался с тех пор, как въехал сюда.

Скудный гардероб Синенко был выставлен на всеобщее обозрение и висел на гвоздях вдоль стен – вперемешку с полевым биноклем, подтяжками, вымпелом города Турку и детскими двухполозными коньками. А на разобранном диване, в окаменевшем от грязи и времени белье, уже валялся чертов кот.

– Идисюда, брысь отседова! – прикрикнул Сергуня, согнал кота и сделал приглашающий жест рукой. – Располагайтесь.

– Клопы есть? – Я с опаской посмотрела на мебельный реликт.

– Теперь нет. Вывел. Так что все в порядке.

Сергуня придвинул к дивану маленькие необструганные козлы, судя по всему, служащие обеденным столом, и поставил на них бутылку водки.

– А закуска?

– Сейчас...

Я несколько не удивлюсь, если он принесет кошачий корм на закуску, с него станется.

Пока Сергуня возился на кухне, я продолжила осмотр его логова. Из мебели, кроме дивана и козел, не было ничего, даже затрапезного стула. Зато большую часть комнаты занимало несколько длинных и высоких – до потолка – стеллажей. На стеллажах, нежно прижавшись друг к другу, стояли папки: толстые и тонкие, с ярлычками и без. Все папки были рассортированы по алфавиту и снабжены картонными табличками. Некоторые из них мне даже удалось прочитать: «ТАМБОВЦЫ», «КАЗАНЦЫ», «ЧИКАТИЛО», «СЛАНЦЕВСКИЙ ПОТРОШИТЕЛЬ», «УЛИКИ ПО АВТОСЛЕСАРИЮ»...

Интересно, какие сны снятся Сергунe в этой комнате – при таком-то замечательном соседстве?.. А в скором времени должна появиться и моя папочка, если еще не появилась. Вот только как она будет называться? «ВИОЛОНЧЕЛИСТКА»? «ШЛЮХА-ПЕРЕВЕРТЫШ»?..

Сергуня, появившийся с тарелкой поджарой балтийской кильки в руках, отвлек меня от тягостных размышлений. Он поставил кильку на козлы, разлил водку по стопкам и уставился на меня: очевидно, в ожидании тоста.

– Давай, – просто сказала я. – Накатим. За знакомство.

– Ваше здоровье!

Здоровье мне понадобится, чтобы мотать срок, понятно.

– Давай на «ты».

– Давай, – легко согласился он и опрокинул стопку.

Я последовала его примеру. А водка оказалась паленой, настоящий денатурат.

– Значит, меня подозревают.

– Не то слово, – Сергуня обезоруживающе улыбнулся.

– А фотография... – Я вспомнила свое смазанное изображение под рубрикой «Звездный фарш».

– Пришлось передать ее следствию, извини. В обмен на, так сказать... На пропуск в круг приближенных. Но и без этого они составили фоторобот. Довольно удачный.

– Я видела.

– Еще по маленькой? – он участливо коснулся моего плеча.

– Можно. А кто занимается следствием? Толковые ребята?

Синенко изогнулся, выдернул из-под меня свои джинсы, а из джинсов – потрепанный блокнот.

– Старший следователь Юрий Кирьяков. Вроде мужик неглупый.

Юрий Кирьяков. Юри. Муж Кайе, влюбленный павиан. С точкой зрения павиана на существо дела я была уже знакома.

– Но скорее всего дело передадут в вышестоящие инстанции. Подключат ФСБ...

Денатурат, стоявший у меня в глотке, сделал попытку вырваться наружу. Я закашлялась.

– ФСБ? Это еще зачем?

– Ну, ты даешь, мать! – Сергуня добродушно похлопал меня по спине. – Ты кого замочила? Сторожа дядю Васю с лодочной станции? Олев Киви – это величина. Это международный скандал. Прогрессивная общественность требует твой скальп, учти. Задета честь мундира. Сама должна понимать.

Чего уж тут не понять, Сергуня. В который раз за последние полтора дня я принялась шмыгать носом.

– Расскажи мне, что произошло. И куда ты дела оружие убийства?

– Унесла с собой.

– Лихая девка! – Он посмотрел на меня с плохо скрываемым восхищением. – В реку, что ли, выбросила?

– Ну да.

– Это правильно. Я бы и сам выбросил. Нет оружия убийства – нет состава преступления.

– Ты думаешь?

– Я, конечно, утрирую. Но без главной улики им придется туго. Покажешь место?

– Покажу.

– Умница. Ты его ножом, да?

– Да. Ножом.

– А чем он тебе насолил, покойник-то?

– Это связано с его женой. – Пора выводить Сергуню на магистральный путь.

Синенко приоткрыл рот, несколько секунд молча разглядывал меня, а потом хлопнул себя по лбу.

– Черт! Ну конечно! Теперь я понял, почему в «Европе» мне показалось, что я где-то тебя видел... Ты похожа на его жену, точно! Ты специально все подстроила? Эту встречу, я имею в виду?

– Да, – сказала я чистую правду.

– То-то он так ополоумел, когда увидел тебя! Я же помню. Чуть в осадок не выпал... Подожди, у меня где-то были ее фотографии.

Он вскочил и бросился к стеллажам. Я затаила дыхание. Если у Сергуни есть досье на Аллу Кодрину, мой приход сюда можно считать единственно верным шагом.

Синенко достал с одной из верхних полок пухлую папку, раскрыл ее и вытащил пакет с фотографиями. После этого папка сразу отправилась на место, а репортер снова оказался рядом со мной.

– Вот, смотри.

Он извлек фотографии из пакета и протянул их мне.

Это были посмертные снимки жены Киви. В жизни я не видела зрелища ужаснее и потому сразу же ухватилась за спасительный денатурат. Влив в себя порядочное количество жидкости, я наконец-то смогла отнестись к фотографиям спокойно.

Скорее всего Сергуня позаимствовал снимки у фотографа-оперативника. Алла Кодрина не просто пала жертвой несчастного случая или трагических обстоятельств.

Она была убита.

Об этом красноречиво свидетельствовала зияющая рана на затылке. Алла Кодрина лежала лицом вниз, в луже собственной крови.

Сергуня заглянул мне через плечо и ловко выхватил из рук фотографию.

– Не та. Лица здесь не видно. Подожди...

Переворошив всю стопку, он извлек две – не такие кровожадные, как предыдущая. Теперь Алла была перевернута на спину и казалась спящей. Даже черные пятна вокруг головы выглядели не очень удачным продолжением ее волос. Карие глаза Кодриной были широко открыты, а брови – удивленно приподняты. В уголках рта застыла улыбка. Эта улыбка что-то живо напомнила мне... Какую-то ситуацию, какое-то совершенно определенное движение... Но мысли по этому поводу я решила заткнуть куда подальше. Во всяком случае, на время.

Вторая фотография была почти точной копией первой, вот только снята она была более общим планом. Голая грудь покойницы не вызвала у меня особых восторгов. Прямо скажем, в нашем ремесле ей делать нечего. Хотя отдельные мужики и запада...

– Ну как? – Голос Синенко прервал поток моих ощущений.

– Прыщи, – я прищурилась. – Если смазать зеленкой, то через неделю все пройдет.

– Ты о чем? – удивился Сергуня.

– О сиськах, – протянула я по инерции.

И тотчас же осеклась. Не хватало еще проколоться таким идиотским образом.

– Убери их, пожалуйста, – я попыталась реабилитироваться и снова захлопала носом. – Это ужасно, ужасно...

– Прости, я понимаю. Зрелище не для слабонервных. А для тебя особенно.

Интересно, какую историю наших с покойной взаимоотношений нашептывают ему сейчас воспаленные мозги? Нужно уловить направление их движения и попытаться не разочаровать Сергуню. Мой визит в «Европу» был не случайным, это он сообразил. Как и то, что я, не мудрствуя лукаво, закосила под убитую. Значит, по логике вещей, знала ее. А дальше? Что дальше?

В жизни своей я не напрягала извилины столь интенсивно, как в последние сутки. Так и подохнуть недолго от какого-нибудь тупого кровоизлияния в мозг...

Что же дальше, черт возьми?

Я искоса взглянула на Сергуню.

Судя по всему, у него есть два варианта. В одном из них как цель выступает Киви, в другом – его покойная жена. В первом случае я воспользовалась сходством с Аллой, чтобы поближе подобраться к виолончелисту (для каких-то там хрен его знает целей). И тогда она – средство.

Во втором – я опять же воспользовалась сходством с Аллой, чтобы отомстить за ее смерть. И тогда она – цель.

Второй вариант выглядел предпочтительнее. Во всяком случае, облагораживал мой образ. В убийстве из мести есть что-то неуловимо притягательное... На нем я и решила остановиться, тем более что мне на помощь пришел сам Синенко.

– Вы были подругами? – аккуратно спросил он у меня.

Нет, «подругами» – это чересчур. Это пахнет неуставными взаимоотношениями. Ну, с каких это пирогов подруга начнет мстить за подругу, если существуют правоохранительные органы? Нормальная подруга дождется результатов расследования и будет навещать родителей покойной по праздникам...

– Нет, – я качнулась и едва не придавила скотину Идисюда, снова впрыгнувшего на диван. – Мы были больше чем подругами.

Сергуня выгнул ноздри, и я явственно увидела скандальные заголовки статей, которые с помпой выйдут в «Петербургской Аномалии».

– Мы были больше чем подругами, – упрямо повторила я. – Мы были сестрами.

– В каком смысле – сестрами? Во Христе, что ли?

– В прямом смысле. В физиологическом.

– Ну да! – Синенко присвистнул. – А дальше что?

– Я точно знаю, что это он... Он убил Аллу... Ведь дело не раскрыто и убийцу не нашли. – Я была почти наверняка, я вспомнила наш со Стасом последний разговор, в котором он туманно намекнул на тухлую историю гибели Кодриной.

– Не нашли.

Слава богу! Поехали дальше.

Я столько раз имитировала оргазм в койке, что симитировать праведный гнев в жизни мне не составило особого труда:

– Он воспользовался тем, что неуязвим, что защищен своим именем... Я не могла больше ждать, я хотела взглянуть ему в глаза...

– Здорово! – искренне одобрил мой пафос Сергуня. – Суд тебе поверит. Вот только у Аллы Кодриной никогда не было сестры.

У меня отвисла челюсть. Какая осведомленность, надо же!

– Как это не было? А я?

– Не знаю. Брат у нее есть, это точно. Филипп Кодрин, сотрудник Эрмитажа. Я собрал все, что было по этому делу. И Варвара Сулейменова нигде не упоминается. Извини.

– Значит, не все собрал. Ее отец был женат вторым браком. – Я была искренне убеждена, что каждый нормальный мужчина женится как минимум дважды, не говоря уже о постоянных ходках налево.

Я попала в точку, и Сергуня озадачился.

– Так глубоко я не копал.

– А надо бы. Мы сводные сестры.

– Теперь понятно... – Он снова потянулся к денатурату. – Что будем делать?

– Ты должен помочь мне...

– Помочь?

– В обмен на эксклюзивное интервью. Я расскажу тебе все, что знаю... Все подробности. Лучшего материала у тебя в жизни не будет. Представь заголовок: «Убийца звезды мировой величины». А полнотой информации будешь обладать только ты.

– Заметано. – Не дожидаясь меня, он опрокинул стопарик. – А ты чего не пьешь?

– Дрянная у тебя водка.

– Сама виновата. Я предлагал кьянти.

– Кьянти с утра?.. Ты ведь крутишься возле этого дела, да? Возле следователей и прочих тварей. Буду тебе признательна, если ты введешь меня в курс дела.

Сергуня кивнул, влюбленно глядя на меня. А потом перевел взгляд на допотопный будильник и подскочил как ужаленный.

– Блин! Что же я сижу?! У меня встреча через сорок минут!

Он ухватил джинсы, по-солдатски заправил в штанины худые ноги, а потом встал на четвереньки и достал из-под дивана пару стоячих носков. На носки налипли пыль и тополиный пух, и Сергуня заколебался.

– Как думаешь, еще годятся? – спросил он и сунул свои чертовы портянки мне прямо под нос. От ни с чем не сравнимого запаха козлятины меня едва не вывернуло.

– Разок еще можешь надеть, – с трудом сдержавшись, просипела я.

– Слово женщины – закон!

Через две минуты Сергуня был полностью экипирован.

– Надеюсь, ты меня дождешься, – сказал он, прежде чем выйти из комнаты.

– Дождусь...

– Там есть пельмени. Вчерашние. И батон. Буду во второй половине дня...

Я поднялась с дивана, осторожно приблизилась к репортеру и ухватила его за ремень.

– И учти, Сергуня... Если ты приведешь сюда ментов... Кранты твоей карьере. И о звании лучшего журналиста года можешь забыть. Я ни слова не скажу. Ты меня понял?

Сергуня даже замахал руками.

– С ума ты сошла, что ли? Я же не дурак – рубить сук, на котором сижу. Могила!..

И я сразу же ему поверила. Жареные факты были смыслом его жизни, это и за версту видно. За мало-мальски приличную информацию он родную мать продаст, а тут такая перспектива! Нет, Сергуня не проговорится, даже если доблестные органы начнут загонять иголки ему под ногти.

Я благодарно чмокнула Сергуню в щеку и через минуту осталась одна.

Теперь мне будет чем заняться.

...Первым делом я шуганула кота и полезла на стеллаж за досье Аллы Кодриной.

Сергуня был самым страшным неряхой, которого я только видела в жизни, его квартира напоминала мне бомжатник, его белье потеряло девственность лет пять назад, его вещи не приняла бы в дар ни одна благотворительная организация, даже комитет по спасению детей Сомали, – но бумаги!..

Все бумаги Синенко содержались в идеальном порядке. От всех умопомрачительных страшилок, заключенных в аккуратные папки, веяло чуть ли не парным молоком. Преступления были его персональным храмом, и в этом храме всегда сияло светлое Христово воскресенье. Ни одной пылинки на образах.

Я сдвинула Сергунино постельное рубище, развязала тесемки красной папки и углубилась в изучение скорбной истории Аллы Кодриной.

Спустя полчаса я знала об этом деле все.

Алла Донатовна Кодрина, 1968 года рождения, русская, была найдена убитой в поселке Куккарево в доме своих родителей. Родители Кодриной умерли несколько лет назад, брат Филипп проживал в Петербурге, на улице Бармалеева, у своей жены Яны Сошальской. Летом дом использовали в качестве загородной дачи, иногда приезжали и зимой – на уик-энд, – но большую часть года он пустовал.

Тело Кодриной обнаружили брат и невестка, перевозившие в Куккарево вещи для дачного сезона. Они же вызвали опергруппу.

Следствию удалось установить, что к моменту обнаружения трупа Алла Кодрина была мертва более двух суток. Для Филиппа и его жены все случившееся оказалось полной неожиданностью еще и потому, что Алла не сообщила им о своем приезде в Россию (последние несколько лет она жила с мужем, известным виолончелистом Олевом Киви, в Таллине и Вене).

Версия об убийстве с целью ограбления выглядела несостоятельной: в дорожном бауле убитой была найдена довольно крупная сумма в иностранной валюте, ни одно из украшений не сорвано, все вещи и документы сохранены.

Кодрина прилетела из Вены в день убийства (корешок билета прилагается), в аэропорту Пулково-2 взяла такси. Позднее таксист был найден и допрошен. По показаниям таксиста, он высадил свою пассажирку у гостиницы «Астория». Но в самой гостинице она так и не появилась. И номер для нее заказан не был.

Далее следы Кодриной терялись.

В комнате, где было обнаружено тело, не удалось снять ни одного отпечатка – ни самой покойной, ни кого-либо другого. Стол был накрыт на двоих, о чем свидетельствуют два столовых прибора и два бокала (тоже не имеющие отпечатков). В крови убитой найдено небольшое количество алкоголя. Бутылка с остатками мозельского вина приобщена к вещественным доказательствам.

Чем именно была убита Кодрина, установить не удалось, но характер раны свидетельствовал об использовании какого-то холодного оружия – специально заточенного ножа, стилета или кинжала.

Рана была единственной – и смертельной.

Муж покойной – по странному стечению обстоятельств в это же самое время дававший несколько концертов в Москве – прервал гастрольный тур и вылетел в Петербург. Он сообщил следствию, что ничего не знает о визите Кодриной в Россию. Накануне он звонил в Вену, разговаривал с женой по телефону, но она ничего не сказала ему об этой поездке. Более того, Алла Кодрина должна была встретить мужа в аэропорту Вены через два дня после его последнего телефонного звонка.

Круг подозреваемых так и не был очерчен ввиду отсутствия явного мотива убийства. Дело зашло в тупик.

...Я перевернула последнюю страничку художественно оформленного Сергуней заключения и принялась изучать детали. И тут вскрылось то, о чем до сих пор целомудренно молчал состряпанный на скорую руку отчетец: незадолго до смерти (точное время установить, правда, не удалось) покойная имела половое сношение. Да и смерть она встретила, лежа на простынях – и полностью обнаженной.

Собственно, ничего удивительного в этом не было, учитывая присутствие двух приборов и двух бокалов на столе. А чем еще могут заниматься мужчина и женщина после того, как приговорят мозельское?

Вот тебе и питерская верная жена!

Пока муженек корячится над виолончелькой, зарабатывая конвертируемую валюту и трудовые мозоли на граблях, его жена трахается с каким-то кобелем и попивает винишко. Совсем неплохо для той бледной спирохеты, которая выглядывала из фотографических «мартовских теней».

Впервые я почувствовала к Алле Кодриной нечто вроде сострадания.

А потом в недрах папки нашлась еще одна бумажка, заставившая меня забыть и о сострадании, и обо всем остальном. Это была опись драгоценностей покойной, также скопированная Сергуней:

1. Цепочка золотая (витая).
2. Кулон золотой (знак Зодиака, Весы).
3. Браслет золотой (витой).

4. Серьги золотые с изумрудами (самоколки).
5. Кольцо золотое (обручальное).
6. Перстень золотой с изумрудом (виноградные листья).

Несколько раз я перечитывала последнюю строчку, силясь вникнуть в ее содержание: Стас вручил мне точно такой же перстень. С лапками в виде крошечных виноградных листьев (именно они поддерживали изумрудик).

Точно такой же или тот самый?

Да и Киви впал в неистовство, как только увидел его.

А если это тот самый перстень? Перстень, который был на Кодриной, когда кто-то нанес ей смертельный удар по голове... И я ношу в своей сумке единственного свидетеля убийства?!. Но как перстень мог попасть к Стасу? И куда делись остальные вещи из списка?

Впрочем, ответ на этот вопрос нашелся сразу же. После того как Олев Киви по каким-то причинам отказался забрать драгоценности покойной, они были переданы брату Аллы Кодриной – Филиппу. Под расписку.

...Я поставила папку на место и подошла к окну.

Отсюда, с продуваемого всеми ветрами шестнадцатого этажа, открывался потрясающий вид на залив, порт и новый жилой массив на противоположном берегу. Где-то внизу коротко крикнул маленький буксир. Если бы я жила здесь, если бы меня звали Сергей Синенко, если бы я умела писать – я бы никогда не стала копаться в кровавом человеческом дерьме. Я писала бы совсем о другом – об этом маленьком буксире, о кораблях, пришвартованных к пирсам, о сгорбившихся кранах и даже о тополином пухе.

Тополиный пух – питерский бич с июня по июль, он забивается в нос и в собачью шерсть, он не оставляет тебя в покое даже ночью, он так и норовит прилипнуть к потной заднице клиента...

Я обхватила себя за подбородок и рассмеялась: кроткий пейзажный лирик из меня не получится. Это точно.

Так же как и детектив.

Теперь я знала, как погибла Алла Кодрина, но это не продвинуло меня ни на шаг в разгадке убийства самого Киви. Единственное, что я могу сделать, – отправиться по следам перстня, к брату покойной. Интересно, как он относился к своему знаменитому зятю?..

* * *

...Входная дверь хлопнула ровно в восемь вечера.

Сергуня, довольно долго копошившийся в прихожей, деликатно постучал в дверь и так же деликатно спросил из-за нее:

– Можно?

Такая тактичность меня насторожила: не думает же он, в самом деле, что я предаюсь разнузданным сексуальным экспериментам с его котом Идисюда?

– Можно? – еще раз повторил Сергуня.

– Конечно. Это же твой дом.

Он вошел, тихий и благостный, с букетом таких же благостных гербер и с огромной полиэтиленовой сумкой в руках. В сумке явственно просматривались контуры нашего ужина.

– Как прошел день? – спросила я с интонациями жены в голосе.

– Лучше не бывает.

– А цветы?

– Да, – Сергуня покраснел. – Это тебе.

Это мне. Понятно. От благодарных почитателей моего криминального таланта. Ну точно извращенец, и к гадалке ходить не надо.

Извращенец принялся выкладывать из сумки провизию. Моему удивлению не было предела. Сырокопченая колбаса, балык, бастурма, сыр «Дор блю» с очаровательным налетом плесени, маслины и прочие гастрономические изыски. Последними были извлечены бутылка «Smirnoff», виски и текила.

– По какому поводу банкет?

– По твоему. – Сергуня дернул себя за ухо и наконец позволил себе заглянуть мне прямо в глаза. Могу поклясться, что увидела там немое обожание.

– Да?

– Если ты, конечно, не возражаешь...

Я не возражала, тем более что пельмени, оставленные мне Сергуней, мог есть только самоубийца.

– Пойло взял на выбор. Крепкое. Специально для тебя.

– Тронута.

...Мы начали с виски.

Сергуня не глядя махнул дневную норму, затолкал в себя кусок бастурмы, без всякого аппетита прожевал – и снова уставился на меня.

– Ты знала Станислава Дремова? – прерывающимся шепотом спросил он. В его исполнении фраза прозвучала как «Не согласишься ли ты выйти за меня замуж, дорогая?».

От неожиданности я поперхнулась маслиной. И пришла в себя только после того, как проглотила косточку.

– Почему ты об этом спрашиваешь? – таким же шепотом ответила я. В моем исполнении эта фраза прозвучала как «Не пошел бы ты на хрен, дорогой?».

– Потому что ты мне солгала.

Скажите, пожалуйста, какие мы ранимые!

– В каком смысле – «солгала»?

– У отца Кодриной не было никакого второго брака. Классический тип примерного семьянина. Так что сводной сестры Аллы из тебя не получится.

Вот оно что! Семейка, в которую я вляпалась, была еще та: папашка, типичный интеллигент, всю жизнь просидевший на цепи у панталон своей жены. И дочурка, которая отрывалась как могла, шастала по родовому гнездышку в голом виде... И так увлеклась любовными утехами, что не заметила, как ей проломили голову.

– Что скажешь? – Сергуня не сводил с меня глаз.

– Внебрачные связи исключены? – деловито спросила я.

– Похоже, что да.

Я улыбнулась Сергуне хорошо отработанной провокационной улыбкой. И облизнула губы. Прием, неотразимо действующий на докеров портовых городов.

– Придумай сам. Ты же журналист.

– Сегодня пришла информация еще об одном деле. Оно как-то выпало из поля зрения... На фоне смерти звезды исполнительского искусства все выглядит тусклым, сама должна понимать.

– Ну и?

– Убийство главы продюсерской фирмы «Антарес». Фирма не бог весть какая, ошивается на периферии шоу-бизнеса, заманивает в страну молью траченных знаменитостей. О которых лет двадцать как все забыли. Словом, шакалье...

Исчерпывающая характеристика нашего дружного коллектива. Стас перевернулся бы на своем персональном столике в морге, если бы услышал.

– Так уж и шакалье, – вступилась за «Антарес» я. – Просто люди занимаются своим делом.

– Значит, Станислава Дремова ты не знаешь.

– Фамилия довольно распространенная... А что с ним случилось?

– Я же сказал, его убили. Так же, как и Олева Киви. Так же, как и жену Олева Киви. Дырка в виске. Прости, что напоминаю.

– Ничего.

– А знаешь, что самое интересное в деле этого Дремова? *Ведь это ты его убила.*

И снова фраза, произнесенная Сергуней, причудливо изменила смысл. Теперь это было не просто предложением руки и сердца. «Если ты не останешься со мной, я не смогу жить. Без тебя все теряет смысл. Если ты не останешься со мной, я повешусь. Я нажрусь таблеток, я вскрою себе вены, я выброшусь из окна с бутылкой уксусной кислоты в руках. Останься со мной, единственная моя, останься, останься, останься-а-а!...»

– Я?! Убила какого-то Станислава Дремова? С какой стати мне нужно было его убивать?

Сергуня не отрываясь смотрел на меня: «О, как ты прекрасна, возлюбленная моя, обогрелая кровью, как ты прекрасна...»

– Тебя видели, когда ты покидала его квартиру.

Вера Константиновна, старая сука. Приходится признать, что у меня нет проблем только со свидетелями.

– И до этого ты неоднократно бывала у него. Ты работала в его фирме. – Сергуня неторопливо достал из своего потертого рюкзака сложенную вчетверо бумажку и помахал ею перед моим носом. – Сулейменова Варвара Андреевна, помощник менеджера. Думаю, ты была не только помощником менеджера. Ты выполняла еще и деликатные поручения разного свойства.

Я улыбнулась: свойство всегда было одним и тем же, а насчет деликатности... Еще никому не удавалось деликатно получить оргазм. Я, во всяком случае, такого не припомню.

– Допустим. Допустим, я знала Стаса Дремова. Работала в его фирме. Но это еще ничего не значит и к тому же уголовно ненаказуемо.

– Ты была в его квартире, когда произошло убийство.

– Я не была в его квартире.

– Ты была в его квартире, а домработнице, которую встретила у лифта, сказала, что он тебе не открыл.

– А он мне и вправду не открыл.

– Консьержка внизу запомнила примерное время твоего визита. Ты оставалась наверху больше получаса. Вполне достаточно, чтобы убить. Время убийства установлено с точностью до десяти минут. И ты в эти минуты попадаешь.

Черт, зачем же я ем так много сыра? Кусок за куском... Двадцать один по вертикали: нервное расстройство, характеризующееся патологически повышенным чувством голода, семь букв.

БУЛИМИЯ.

Тогда это слово из кроссворда в журнале «Дамский вечерок» я так и не отгадала. И нервы, оказывается, у меня ни к черту. Странно только одно: почему Сергуня пришел домой в гордом одиночестве, почему он не захватил с собой взвод спецназа? Если на моей совести два трупа, то я вполне подпадаю под определение «особо опасная преступница».

Или спецназ ждет меня за дверью, у лифта?..

Лифт.

Теперь я вспомнила: этот гнусный лифт ездил в моих извилинах туда-сюда, как ненормальный, – даже Веру Константиновну я встретила у лифта. А к Стасу я поднималась пешком, потому что... *Потому что кто-то увел лифт из-под моего носа!* И спустился этот «кто-то» с верхнего этажа. И вполне мог оказаться убийцей.

– По-моему, сыр великолепный, – медленно произнесла я, не спуская глаз с Сергуни. – Где твои дуболомы?

– Какие дуболомы?

– В бронезилетах. Ты ведь привел «хвост».

Сергуня неожиданно густо покраснел, а на глаза ему навернулись слезы. Я сильно подозревала, что крокодиловы.

– Выпьем? – подбодрила я его. – На посошок?

И тут произошла удивительная вещь: Сергуня приблизился ко мне и отвесил пощечину. Посщечина была не сильной, но достаточно обидной. Она возвращала меня к благословенным таллинским временам, когда именно таким способом Стас Дремов отучал меня утаивать часть денег, полученных от клиентов. Страх, который казался навсегда похороненным в фамильном склепе на задворках души, тотчас же выполз и продемонстрировал хорошо сохранившиеся мощи.

Я по-настоящему испугалась; я втянула голову в плечи и попыталась заслониться рукой. Но еще больше испугался сам Сергуня.

– Неужели ты думаешь, что я могу сдать тебя?! – запричитал он фальцетом. – Неужели ты и вправду так думаешь?!

Любой нормальный человек поступил бы именно так. Но Синенко не был нормальным человеком – он был ненормальным журналистом. Ненормальным журналистом, специализирующимся на криминале. Теперь, глядя ему прямо в глаза, я поняла это окончательно. Моя потенциальная виновность привлекала его так же, как привлекает кобеля сука в течку. Он находил ее возбуждающей.

– Ты ведь это сделала, скажи мне?!

– Что именно?

Мы по-прежнему разговаривали страстным шепотом.

– Ты замочила этих двоих... А потом пришла ко мне. – Кажется, он даже не верил своему счастью.

– Не боишься? – спросила я.

– Ну, знаешь... Червей бояться – в гроб не сходить...

– А все-таки?

– Бояться? Тебя?

– А если я маньячка?

– На маньячку ты не похожа... Я исследовал маньяков. Написал кучу статей.

– А на кого я похожа?

– Ни на кого, – он говорил совершенно искренне. – Ты ведь расскажешь мне все, правда?

– Возможно... Если ты мне поможешь.

– Все, что угодно, – он клятвенно прижал руки к груди.

– Материал на книгу я тебе обещаю, – с пафосом сказала я, удивляясь лживости и спокойствию своего голоса. Откуда только что берется?..

– Они были как-то связаны – виолончелист и Дремов? Вместе проворачивали темные делишки в международном масштабе?

Теперь я знала, что делать. Я снова была в своей родной стихии.

Я коснулась губ Сергуни пальцами. Он моментально воспользовался ситуацией и залепил их поцелуями.

– Я же сказала – все объясню чуть позже.

– На кого ты работаешь?

– На себя... – Это было правдой лишь отчасти. Последний раз я работала на себя в возрасте семнадцати лет, когда по доброй воле отдалась Сюлеву Хаасу, своему первому парню и однокласснику. Поздним вечером, на веранде детского сада.

– Не страшно было убивать?

– Как два пальца об асфальт.

Вождение размазало несчастного Сергуню по дивану с такой силой, что я искренне ему посочувствовала. Сейчас перед ним сидела не просто симпатичная телка, а симпатичная телка, убившая двух здоровых мужиков, потенциальный материал на книгу, не говоря уже о статьях в газете. Эта телка готова пролить свет на механизмы преступления и предлагает себя в качестве подопытного кролика. Есть от чего прийти в неистовство.

После стольких лет плотного контакта с мужиками я знала все их повадки вдоль и поперек, я научилась реагировать на каждое их движение, даже непровольное. Вот и теперь – я знала, что произойдет: либо Сергуня полезет ко мне целоваться, либо (если ситуация уже вышла из-под контроля) – отправится в ванную: утихомирить член и слить в раковину ополоумевшую сперму.

– Извини, мне нужно выйти, – тяжело дыша, пробормотал Сергуня. – Я быстро...

* * *

Мы перепилились как последние свиньи.

Сергуня еще несколько раз надолго зависал в ванной, мешал текилу с виски, а виски с водкой. Заплетающимся языком он пытался расспрашивать меня о том, что чувствует человек, когда убивает другого человека, и правда ли, что в этот момент он переживает нечто вроде сексуального возбуждения. Я многозначительно мычала и откликалась единственно на вопросы о сексуальном возбуждении. Только об этом я имела хоть какое-то представление.

Потом он перекинулся на факты, снова совал мне диктофон под нос и требовал, чтобы я избобличила русско-эстонскую шайку в:

1. Торговле наркотиками;
2. Торговле антиквариатом;
3. Торговле старинными музыкальными инструментами;
4. Торговле живым товаром;
5. Торговле экзотическими животными;
6. Торговле ядерными технологиями;
7. Торговле ноу-хау в области компьютерного обеспечения.

Я периодически гладила его по голове и мягко увещевала:

– Определись, милый, *что именно* ты хочешь от меня услышать? И что пикантнее с точки зрения вашего издания?..

Сергуня разразился речью о читательских предпочтениях и весьма авторитетно заявил мне, что респектабельные экономические преступления волнуют людей гораздо меньше, чем кровавые убийства с использованием ножей, топоров, бензопил и автогенов. По ее окончании пламенный трибун рухнул под козлы и благополучно отрубился.

Я вышла на кухню, задала корму всеми забытому и преданному любимым хозяином Иди сюда, положила перед собой сумку и выключила свет.

Сверкающий огнями ночной порт был еще более величественен, чем днем. Я с трудом заставила себя не глазеть на мерцающие светляки портовых кранов и сделала то, что хотела сделать весь день.

Я вытащила нож. Я снова взяла его в руки.

И снова почувствовала ту необъяснимую власть, которую имеют над людьми некоторые старинные предметы. А в том, что нож был старинным, у меня почти не оставалось сомнений. В каждой грани его клинка, в каждой грани его алмаза (о, если бы только это действительно был алмаз!) чувствовался бесстыжий, ничем не прикрытый намек на вечность. Ни один нормальный человек по доброй воле не расстался бы с этим ножом, он не оставил бы его даже на собственной кухне, среди погнутых вилок, – не говоря уже о теле другого человека.

А если камень в рукоятке действительно алмаз? И вот так, ни за хрен собачий, лишаться богатства, по доброй воле отдавать его в руки алчных правоохранительных органов?.. Да, похоже, кто-то очень сильно ненавидел Олева Киви, если решился на подобное. И ненависть его стоила целое состояние. Показательная казнь, вот как это называется!

Интересно, почему убийца все-таки не тронул меня? И почему был так уверен, что я не проснусь? А если бы я страдала бессонницей?..

Я вздохнула: бессонницей долгое время мучилась Монтесума-Чоколатль. И потому трудилась в койке по две смены кряду. И зарабатывала больше нас всех. А потом появился старичок-швед, коечное ремесло ушло в прошлое, и Монтесума переключилась с членов на таблетки.

Метаквалон. Лучшее средство от бессонницы.

Я подперла голову рукой и задумалась: почему же убийца был так уверен, что я не проснусь? И почему я моментально вырубилась, едва только доползла до кровати Олева? И почему с утра моя собственная голова показалась мне такой тяжелой? И – самое главное – почему мне не приснились так горячо любимые руины монастыря кармелиток?!

А что, если это действие снотворного, без которого Монтесума не могла и дня прожить?

Перед глазами у меня возник гостиничный бой с его голимой представительской тележкой-столиком: фрукты и шампанское. Ну, конечно, он порывался открыть шампанское сразу же, но Олев запретил ему... И выпили мы не сразу, и пила его только я...

Да, черт возьми, вот кто мог пролить свет на многие вещи – тихоня официант! Вытягивал шею, тряс кадыком, никак не мог отклеиться от своего столика... Отвратный тип. Недаром он показался мне подозрительным!..

Едва сдерживая волнение, я сжала рукоятку ножа.

И...

Это было самое странное чувство, которое я когда-либо испытывала. Самое пугающее и самое восхитительное. Как будто моя собственная рука попала в западню, в искусно расставленный волчий капкан, слегка припорошенный листьями.

А нож, казалось, только и ждал этого: он сразу же пустил в меня невидимые корни. И корни эти теперь продвигались вверх, сантиметр за сантиметром, входили в затопленные тоннели костей, перескакивали по веткам сухожилий, забирались на стволы шейных позвонков и наконец штурмом взяли обмякший череп.

Каким-то доселе неизвестным мне внутренним зрением, – холодным и расчетливым, как жена палача, – я увидела комнату, в которой спал журналист. Он по-прежнему валялся под козлами, рубаха его выбилась из джинсов и обнажила узкую полоску тела.

Узкая полоска тела и лунка пупка – вот все, что было нужно мне сейчас.

Узкая полоска тела, узкая полоска пляжа с маленькой лункой посередине. Лункой, вырытой специально для Моего Ножа. Он должен оказаться там, и тогда прямые лучи солнца зажгут алмаз на его рукояти...

...И мне откроется Тайна!.. мне откроется Тайна!..

...Куррат!..

Откуда он взялся?!

Кажется, никогда-не-спящий кот Идисюда зашипел и оцарапал мне запястье. Этого оказалось достаточно, чтобы я выронила нож, отшатнулась и упала на колени. Черт, что я делаю в комнате и что за помутнение на меня нашло?!

Все еще плохо соображая, я тряхнула головой, а потом перевела взгляд на нож. Он лежал рядом со мной, безобидный, как мертвая змея. Неужели еще секунду назад я готова была вонзить его во впалый живот Сергуни? И только Идисюда, пристроившийся на руке спящего хозяина, помешал этому?..

Последующие пятнадцать минут я провела в сортире, орошая унитаз потоками непереваренного ужина. Сергуня так долго заставлял меня поверить в то, что я убийца, – и я действительно чуть ею не стала.

Чертов нож. Долбаный, гребаный, факаный нож! Нож хуже любого, самого подонистого мужика! Чуть не совратил меня, скотина!..

Вернувшись в комнату, я первым делом погладила отважного заступника Идисюда и усе-лась на пол, сложив ноги по-турецки. Алмаз в рукоятке был сама невинность, он и сам пре-красно знал это – и потому снова принялся меня соблазнять: всем своим неторопливым цар-ственным блеском. И я – совершенно не ко времени – вспомнила рассуждения Анне Раамат, звезды эстонского любительского порно. Анне все свободное от кинематографических фрик-ций время посвящала отбору и классификации фаллических символов. Эти символы мерещи-лись ей везде и всюду. Ножи тоже были отнесены к подобным символам. И занимали во всех ее таблицах почетные верхние строки. Ножи были синонимом мужского коварства и вероломно-сти, даже от безобидного пластмассового (для резки салатных листьев) можно было ожидать подвоха в любой момент.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.